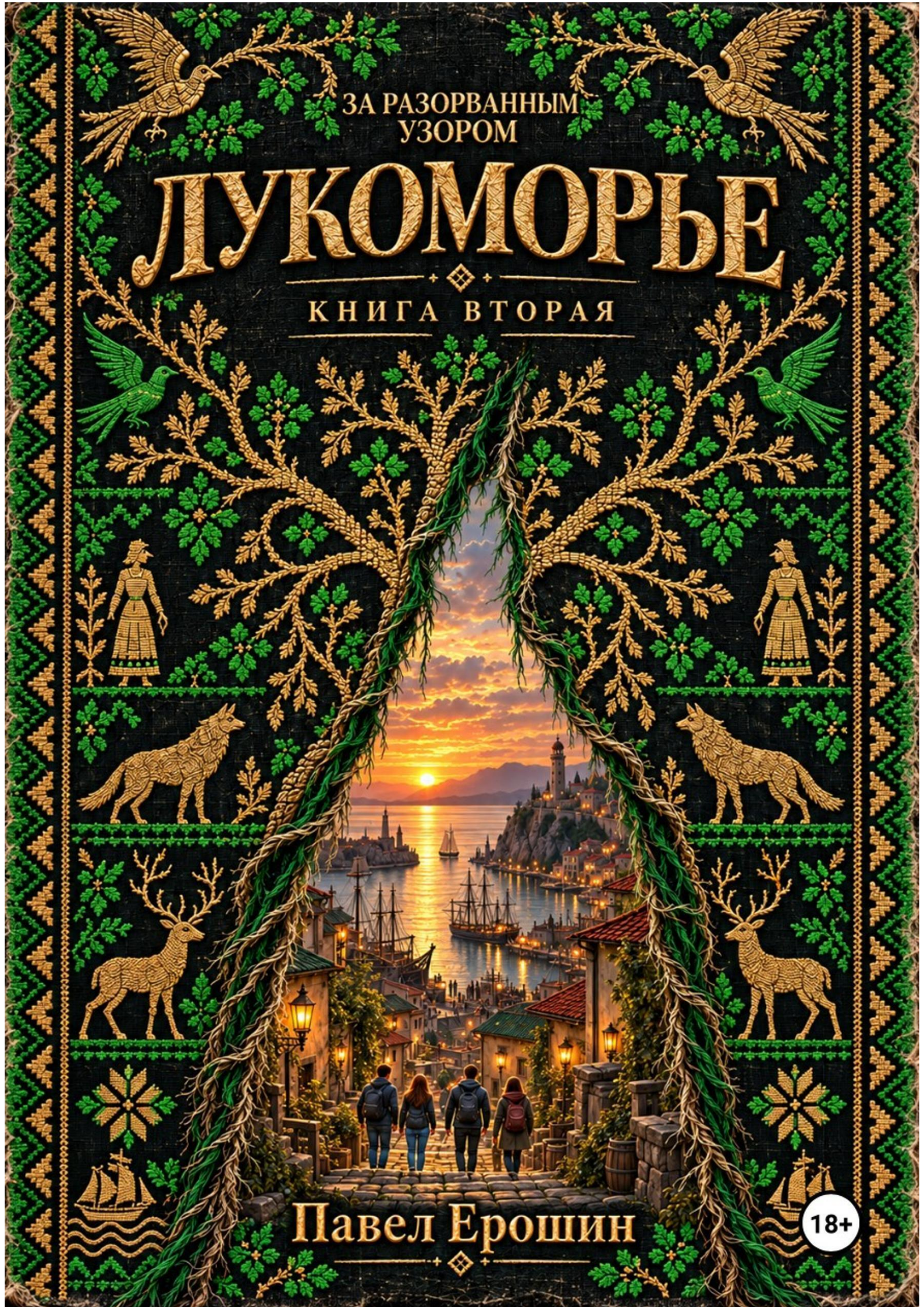

ЗА РАЗОРВАННЫМ УЗОРОМ
ЛУКОМОРЬЕ
КНИГА ВТОРАЯ
Павел Ерошин
18+

Павел Ерошин

Лукоморье

«Автор»
2026

Ерошин П.

Лукоморье / П. Ерошин — «Автор», 2026

В Лукоморье Максим, Вика, Лёша и Саша надеялись починить ковёр и вернуться домой. Но мастер исчез вместе с ковром, а попытка добиться справедливости лишь добавила неприятностей. У сказочного города свои законы, и незнание от ответственности не освобождает. Теперь поиски пути домой придётся совместить с поручениями взбалмошного хозяина богатого имения. А четверым, которые и без того с трудом ладят друг с другом, предстоит решить, кому здесь ещё можно доверять.

© Ерошин П., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 16
Глава 3 23
Глава 4 33
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Лукоморье

Глава 1

– Феликс!

Саша вскочила с каменного края фонтана.

– Там! Возле хлебной лавки!

Максим резко поднял голову. Над ним шумела торговая площадь Лукоморья: двигались люди, покачивались корзины, между прилавками протискивался грузчик с мешком на плече.

– Где?

Саша указала через площадь. Сначала Максим ничего не увидел. Потом грузчик прошёл дальше, и возле хлебного прилавка мелькнул знакомый тёмно-зелёный сюртук.

Феликс Карлович Вельский стоял вполоборота к ним и разговаривал с торговкой. На голове сидела та самая мягкая шляпа с узкими полями. Он что-то сказал, улыбнулся, и женщина за прилавком рассмеялась.

Вчера этот человек отвёл их к мастеру, которому они оставили ковёр и три золотых монеты. Сегодня на месте лавки оказалась глухая стена. А Вельский спокойно прогуливался по рынку.

Максим поднялся с мостовой так резко, словно под ним распрямилась пружина. Два медяка выпали из его руки и покатились по камням.

– Ну сука, ты у меня сейчас огребёшь!

Он сорвался с места. Вика едва успела встать. Лёша схватил Сашу за локоть, помогая ей обойти край чаши, и оба побежали следом.

Люди торопливо расступались. Максим едва не опрокинул корзину с яблоками, задел плечом прохожего и перескочил через ящик, выставленный посреди прохода. Разбитая рука отозвалась болью, но он только крепче сжал кулак.

– Феликс! Стой!

Господин Вельский услышал крик. Он обернулся, увидел приближающегося Максима и на мгновение застыл. На его лице появилась прежняя добродушная улыбка. Феликс даже приподнял шляпу, словно собирался поздороваться.

Затем нырнул за торговые прилавки.

– Куда он делся?! – выкрикнул Максим, добежав до хлебной лавки.

За прилавком стояла полная торговка в белом переднике. Она указала мучной рукой в узкий проход между соседними рядами.

– Туда побежал.

Судя по улыбке, происходящее её забавляло.

– Спасибо!

Максим рванул в указанную сторону. Они протискивались между прилавками, перепрыгивали через корзины и уворачивались от возмущённых покупателей. Торговцы кричали им вслед, кто-то требовал возместить ущерб, но останавливаться никто не собирался.

Впереди снова мелькнул зелёный сюртук. Феликс оказался на удивление быстрым. Он проскальзывал между людьми, не задевая ни одного прохожего. Там, где Максим прокладывал себе дорогу плечами, господин Вельский успевал повернуться боком, пригнуться или на ходу обойти препятствие.

– Он уходит в Старый город! – крикнул Максим.

Феликс выскочил на главную улицу и побежал в сторону старых ворот. Его шляпа едва держалась на голове, полы сюртука развевались за спиной. Несколько раз он оглядывался, и с каждым разом улыбка становилась всё менее уверенной.

На главной улице догнать его почти удалось. Максим постепенно сокращал расстояние, но Феликс внезапно свернул под каменную арку и исчез в одном из переулков.

– Туда! – крикнул Лёша.

За аркой стало теснее и темнее. Солнечный свет почти не проникал между нависавшими этажами. Под ногами попадались лужи, обломки ящиков и гнилая солома. Феликс знал эти переулки гораздо лучше преследователей. Он сворачивал, не замедляя шага, перескакивал через водостоки и нырял в проходы, которые издали казались тупиками.

Максим бежал первым. Следом держалась Вика, за ней – Лёша и Саша. Воздуха быстро перестало хватать. В груди жгло, ноги тяжелели, но зелёный сюртук всё ещё мелькал впереди.

На очередном повороте Феликс неожиданно остановился. Между ним и преследователями стояли трое мужчин. Они перегородили переулок от стены до стены. Один был широкоплечим и лысым, второй носил старый солдатский мундир без знаков различия, третий казался худым и держал руку в кармане длинного плаща. Феликс стоял в нескольких шагах за их спинами. Он уже поправил шляпу и снова улыбался.

– Куда путь держим? – спросил лысый.

– Мужики, не мешайте, – тяжело дыша, ответил Максим. – Нам вон того мудака поймать нужно.

Он указал на Феликса. Ни один из троих даже не обернулся.

– Никого не видели, – сказал мужчина в мундире.

– Он прямо за вами стоит!

Трое медленно двинулись вперёд. Феликс снял шляпу, отвесил преследователям глубокий поклон и скрылся за следующим поворотом.

– Да вы издеваетесь! – Максим сжал кулаки.

Места для драки почти не было. Мужчины приближались, заставляя четверых пятиться. Лысый улыбался, демонстрируя сломанный передний зуб. Его товарищ вытащил руку из кармана, но пока держал её сжатой в кулак.

Лёша лихорадочно огляделся. Справа находилась глухая стена, слева – закрытая дверь. Разойтись с тремя мужчинами в узком проходе не получилось бы.

Он сунул руку в карман и достал золотую монету. Поднял её повыше, чтобы мужчины увидели блеск, а затем бросил в сторону открытого водостока. Монета ударилась о камень и со звоном покатилась вдоль стены. Все трое проводили её взглядами.

– Золотой! – выкрикнул Лёша.

Лысый первым кинулся за монетой. Мужчина в мундире толкнул его плечом, третий попытался проскочить между ними. Через мгновение все трое уже ругались и отталкивали друг друга возле канавы.

– В аниме видел, – объяснил Лёша.

Максим несколько секунд смотрел на него с искренним изумлением.

– Что встал? Догоняй!

Макс проскочил мимо дерущихся мужчин и бросился за Феликсом. Остальные поспешили следом.

За поворотом переулок разделялся надвое. Лёша не успел понять, куда бежать, но справа послышался грохот, а затем сдавленный вскрик.

Когда он вместе с девушками добрался до следующего поворота, всё уже закончилось. Максим прижал Феликса к стене, схватив за ворот сюртука. Шляпа валялась на мостовой. Под левым глазом господина Вельского расползалось красное пятно, а на платке, которым была обмотана разбитая рука Максима, проступила свежая кровь. Очевидно, первый удар Феликс всё-таки пропустил.

– Где дверь?! – кричал Максим ему в лицо. – Где ковёр?!

– Какая дверь? Какой ковёр? – торопливо заговорил Феликс. – Дорогой мой, я решительно не понимаю, о чём вы!

– Не понимаешь?

Максим встряхнул его так, что затылок господина Вельского ударился о стену.

– Ты отвёл нас к своему мастеру! Сегодня там голая стена!

– Мастеру? Я лишь показал вам дорогу к человеку, которого мне рекомендовали как специалиста по старым вещам. За его расписание, перемещения и особенности ведения дел я отвечать не могу.

– Бодун где? Бодун твой!

– Борум, – машинально поправил Лёша.

– Да плевать, как его зовут! Где он?

Феликс попытался вернуть себе привычную улыбку, но с разбитой скулой она получилась кривой.

– Позвольте заметить: Борум мне не принадлежит. Это самостоятельный мастер, который волен менять место работы, закрывать лавку и принимать заказы по собственному усмотрению. Вы добровольно вошли, самостоятельно показали ему вещь и без всякого давления договорились о цене.

– Ты сказал, что он лучший чаротворец!

– Один из лучших знатоков старых вещей. Это не совсем одно и то же.

– Ты сказал, что он починит ковёр!

– Насколько я помню, я этого не говорил. Да и в разговоре не участвовал. Более того, из уважения к вашим тайнам даже не вошёл внутрь.

– Очень удобно получилось.

– Удобство – одно из главных достоинств хорошего посредника.

Максим занёс кулак. Феликс зажмурился и втянул голову в плечи. Удара не последовало. Саша успела подойти и осторожно положила ладонь на запястье Максима. Он мог легко вырвать руку, но почему-то остановился.

– Не надо, – тихо сказала она.

Максим тяжело дышал. Несколько секунд смотрел на Сашу, затем немного опустил кулак, продолжая удерживать Феликса за ворот. Саша перевела взгляд на господина Вельского. Глаза у неё были красными от недавних слёз.

– Феликс, миленький, пожалуйста… Скажите, где мастер и куда он унёс ковёр. Нам эта вещь очень нужна. Без неё мы не сможем вернуться домой.

Феликс осторожно открыл глаза. На мгновение его лицо изменилось. Улыбка исчезла, а взгляд задержался на Саше дольше обычного. Однако уже через секунду господин Вельский снова стал прежним – участливым, внимательным и почти оскорблённым несправедливыми подозрениями.

– Дорогая Александра, поверьте, ваше горе трогает меня до глубины души. Если бы я знал, где сейчас находится Борум, то немедленно отвёл бы вас к нему. Я тоже стал жертвой неприятного недоразумения. Мою безупречную репутацию использовали, чтобы завоевать ваше доверие.

– Вы сами нас туда привели, – напомнил Лёша.

– Исключительно желая помочь!

Феликс снова посмотрел на Сашу.

– Возможно, мастеру пришлось срочно перенести лавку. Возможно, дверь появляется лишь в определённые часы. Наконец, возможно, он уже приступил к работе и закрыл вход, чтобы никто не мешал. Вы ведь сами согласились на три дня. Разумнее всего отпустить меня и позволить спокойно всё выяснить. Избиение единственного человека, способного вам помочь, едва ли приблизит возвращение домой.

– Правда выясните? – спросила Саша.

– Даю слово, что приложу все доступные мне усилия.

– Твоё слово уже ничего не стоит, – произнёс Максим.

Но его хватка всё же немного ослабла. Феликс почувствовал это раньше остальных. Он резко вырвался, толкнул Сашу на Максима и нырнул между ними. Девушка потеряла равновесие, и Макс успел её подхватить. Феликс уже схватил с мостовой шляпу и помчался к выходу из переулка.

– Ах ты ж сука!

Максим осторожно поставил Сашу на ноги и бросился следом. Лёша с Викой подхватили девушку под руки.

– Ты цела? – спросила Вика.

– Да. Бежим!

Они не стали терять время. Все трое рванули вслед за Максимом, а впереди, на следующем повороте, снова мелькнул зелёный сюртук. Выбежав из переулка, они увидели стоящего посреди улицы Максима. Он тяжело дышал и растерянно оглядывался по сторонам. Феликса рядом не было.

– Где он? – крикнула Вика.

Максим молча указал вдоль улицы. В нескольких десятках шагов стояли двое городских стражников. Один держал под мышкой длинное ружьё, второй опирался ладонью на рукоять короткой дубинки. Рядом с ними находился Феликс. Он быстро что-то объяснял, размахивая шляпой и время от времени показывая на преследователей.

– Вот же гад, – выдохнул Лёша.

Феликс оглянулся, заметил вышедшую из переулка четвёрку и поспешно сунул руку в карман жилета. Между его пальцами блеснула серебряная монета. Он незаметно вложил её в ладонь стражника, дружески похлопал того по плечу и укрылся за спинами обоих. Лёше показалось, что это была та самая монета, которую они отдали Феликсу накануне. Стражник с дубинкой спрятал руку в карман, коротко приказал что-то напарнику и направился к ним. Второй остался рядом с Феликсом, перехватив ружьё поудобнее.

– Вы чего? – растерянно спросил Максим. – Не к нам идите. Держите этого ворюгу! Он у нас вещи украл!

– Он говорит другое, – ответил стражник, не замедляя шага. – Документы приготовьте.

– Мало ли что он говорит! Это же мошенник, его здесь каждая собака знает!

– Его знает, – согласился стражник. – А вас я впервые вижу.

Максим уже набрал воздух для ответа, но Вика схватила его за здоровую руку.

– Не надо. Покажем регистрацию и спокойно всё объясним. Спорить со стражей сейчас не лучшая идея.

– Да что тут объяснять? Вон он стоит!

– Макс.

Тот выругался себе под нос, но всё же полез в карман. Остальные тоже достали регистрационные карточки. Стражник подошёл ближе и протянул руку.

– Сюда.

Мужчина собрал все четыре карточки, разложил веером и поочерёдно осмотрел. Угол его рта презрительно дёрнулся.

– Ну-ну. Второй день в городе, а уже буяните.

– Мы не буяним, мы…

Максим осёкся, встретившись с тяжёлым взглядом стражника.

– Дяденька полицейский, – вмешалась Саша, – тот человек украл у нас деньги и очень дорогую вещь.

Стражник медленно повернулся к ней.

– Какой я тебе ещё полицейский?

– Я хотела сказать…

– Это что, оскорбление такое? Или вы намекаете на что-то?

– Нет, простите. Я ничего такого не имела в виду.

Саша опустила голову и отступила на шаг. На заплаканном лице девушки на мгновение появилось такое испуганное выражение, что даже Максим перестал возмущаться. Однако стражник не смягчился. Он убрал регистрации под мышку и достал из внутреннего кармана плоский прямоугольный брусок. Тёмное дерево было покрыто мелкими выточенными символами, похожими на знаки с их жетонов. Мужчина несколько раз провёл по поверхности указательным пальцем, словно рисовал невидимые линии. Один за другим символы вспыхнули тусклым багровым светом.

– Что это? – насторожился Лёша.

Стражник не ответил. Он провёл бруском над регистрационными карточками. Все четверо разом почувствовали покалывание на тыльной стороне кисти. На коже начали проступать красные линии, складываясь в незнакомый угловатый знак.

– Ай! – Вика прижала руку к груди. – Больно!

На деревянном бруске что-то коротко вспыхнуло. Стражник удовлетворённо кивнул.

– Вот и всё. Нарушение порядка зарегистрировано. Придётся пройти в управление.

– Какое ещё нарушение? – не выдержал Максим. – Ты сам сейчас что-то нарисовал! Мы ничего не сделали!

– Вот там и разберёмся.

– Да вы совсем уже охренели? Куда пройти? За что?

Стражник не стал отвечать. Посмотрел за их спины и махнул рукой. Они обернулись.

Рядом с переулком стояли ещё трое стражников. Двое держали руки на рукоятях дубинок, у третьего за спиной висело короткое ружьё. Они неторопливо расходились в стороны, отрезая путь обратно.

– Похоже, объяснить не получилось. – Вика отпустила руку Максима.

– Это что за беспредел такой?! – закричал Максим. – Я сейчас отцу позвоню и…

Он внезапно замолчал. Рука уже по привычке потянулась к карману, где лежал разряженный телефон. Максим вспомнил, что связи здесь нет, телефон давно превратился в бесполезный кусок пластика, а отец находится в другом мире.

– Отцу позвонишь? Это как? В колокольчик? Или на башню полезешь? – ухмыльнулся стражник.

Остальные громко заржали. Даже тот, что остался возле Феликса, усмехнулся. Сам господин Вельский стоял за его плечом, прижимал платок к распухавшей скуле и смотрел на происходящее с оскорблённым достоинством.

Смех быстро стих. Первый стражник подошёл к Максиму почти вплотную. От него пахло табаком, кожей и вчерашним перегаром.

– Слушай внимательно, – сказал он уже тихо. – Будете рыпаться – оформлю нападение на стражу. А там следом пойдут грабёж, насилие и убийство.

– Какое убийство? – прошептал Лёша.

Мужчина перевёл взгляд на него.

– Какое потребуется.

Затем снова посмотрел на Максима.

– В темнице сидеть будете долго. А если выйдете… – Он сделал паузу и особенно чётко произнёс:

– Если выйдете, вас здесь уже никто не вспомнит.

Угроза прозвучала негромко, почти буднично. От этого стало страшнее. Все четверо молча смотрели на стражника. Ещё минуту назад они собирались кричать, спорить и требовать справедливости. Теперь даже Максим не находил слов.

– Забираем! – приказал мужчина.

Трое подошедших стражников разошлись. Один встал за Максимом, второй направился к девушкам, третий – к Лёше.

– Руки за спину.

– Мы сами пойдём, – попытался возразить Алексей.

– Я сказал: руки.

Лёша подчинился. Стражник обернул вокруг его запястий тонкую серую верёвку всего один раз. Узла он не завязывал: концы сами стянулись и словно вплавились друг в друга. Лёша осторожно пошевелил руками. Верёвка не давила, но при каждой попытке развести запястья становилась короче и жёстче. Максим поморщился, когда ему заломили разбитую руку. Кровь снова проступила через платок.

– Ай, туго, – жалобно пискнула Саша.

– Ничего, потерпишь, – ответил стражник.

– Ты это, не борзей, – выпалила Вика.

Мужчина медленно повернулся к ней. Вся прежняя решительность сразу исчезла с её лица. Вика ссутулилась и попыталась отступить, но сзади стоял другой стражник.

– Что сказала?

– Ничего.

Он подошёл ближе, взялся за верёвку и резко дёрнул. Петля на запястьях Вики затянулась.

– Ай! Больно!

Стражник продолжал смотреть на неё, не отпуская верёвку. Вика стиснула зубы. Она поняла, что ещё одно слово заставит его затянуть петлю сильнее, и опустила взгляд.

– Вот и хорошо, – сказал мужчина.

Стражники окружили задержанных со всех сторон. Первый убрал деревянный брусок в карман, а их регистрации спрятал за пазуху. Феликс всё ещё стоял поодаль. Максим посмотрел на него. Господин Вельский встретился с ним взглядом, слегка приподнял шляпу и отошёл к ближайшей лавке. Через несколько мгновений зелёный сюртук исчез в толпе.

– Пошли, – приказал стражник.

Их повели к торговой площади.

– Начальник, может, договоримся? – неуверенно спросил Максим.

Стражник даже не обернулся.

– Да-да. Сейчас доведём, там сразу обо всём и поговорим.

Максим понял, что намёк не сработал, и больше не произнёс ни слова.

Они вышли на площадь той же дорогой, по которой совсем недавно гнались за Феликсом. Только теперь никто не бежал. Приходилось идти медленно, с заведёнными за спину руками, под конвоем вооружённой стражи.

Прохожие расступались заранее. Разговоры стихали, когда процессия приближалась, и возобновлялись за спиной уже приглушённым шёпотом. Торговцы выглядывали из-за прилавков, покупатели останавливались с корзинами в руках. Кто-то пытался понять, что произошло, другие без раздумий принимали сторону стражи.

Саша шла, опустив голову. От стыда ей хотелось провалиться под мостовую. Вика держалась рядом и время от времени касалась её плечом, показывая, что она не одна. Лёша пытался не смотреть на людей. Он думал о регистрациях, оставшихся у стражника, и о красном знаке на руке. Если их документы действительно были связаны с магическим договором, то теперь власти могли записать туда что угодно. Убийство, кражу, нападение – всё, чем им только что

угрожали. Максим шёл впереди. Его плечи оставались напряжёнными, а связанные руки то и дело сжимались в кулаки. Но он молчал.

Возле фонтана стояла женщина с корзиной хлеба – та самая, что недавно подала им два медяка. Она узнала задержанных, прижала корзину к животу и укоризненно покачала головой. Максим тоже её заметил. На мгновение его лицо исказилось. Он отвернулся и ускорил шаг, насколько позволяли стражники.

За торговой площадью начался правительственный квартал. Здесь людей было меньше, однако скрыться от чужих взглядов не получилось. Из окон выглядывали служащие, на ступенях останавливались посетители. Даже кучер проезжавшей повозки придержал лошадей, чтобы лучше рассмотреть пленников.

Наконец впереди появилось здание управления стражей. На фоне светлых административных домов оно выглядело тяжёлой серой коробкой. Три этажа сложили из крупных каменных блоков, почти не тронутых украшениями. Только возле главного входа стояли короткие массивные колонны, а над узкими окнами виднелись небольшие каменные вензеля.

Окна первого этажа закрывали толстые решётки. На верхних этажах стёкла были мутными, словно их годами не мыли. По краю крыши тянулся невысокий зубчатый бортик, больше напоминавший крепостную стену. Над центральным входом висел герб Лукоморья, но краски на нём выцвели, а золотой дуб почернел от дождей. Большие дубовые двери были обиты железными полосами. Возле них стояли два вооружённых стражника, лениво наблюдавших за площадью.

Задержанных повели не туда. Процессия обогнула здание и остановилась у его торца. Здесь улица становилась узкой и почти всё время находилась в тени. В каменной стене пряталась небольшая дверь без вывески и окон. К ней вели три стёртые ступени, уходившие немного вниз. Древесина почернела от времени, а железные заклёпки покрывала ржавчина.

Рядом стоял ещё один стражник. Увидев конвой, он молча достал из кармана ключ.

Их втолкнули в узкий коридор, выкрашенный светло-зелёной масляной краской. Стены здесь находились так близко друг к другу, что два человека могли разойтись, только повернувшись боком. Под потолком висели редкие лампы в проволочных колпаках, но даже при их свете коридор оставался сумрачным. Пахло сыростью, старой краской и чем-то кислым.

Задержанных выстроили друг за другом. Первым шёл Максим, за ним Вика и Саша, последним – Лёша. Стражники подгоняли их короткими приказами, не позволяя останавливаться. Связанные за спиной руки мешали держать равновесие, поэтому на каждом повороте приходилось задевать плечами стены.

Коридор закончился небольшой комнатой с несколькими дверями. Почти всё свободное пространство занимал стол, заваленный бланками, журналами и регистрационными книгами. За ним сидел худой мужчина в поношенном форменном жилете. Его рукава были закатаны до локтей, пальцы перепачканы чернилами, а под глазами темнели глубокие круги. Судя по выражению лица, за годы службы он устал не только от работы, но и от людей вообще. При виде стражников мужчина нехотя поднялся.

– Новенькие?

– Да. Буянят.

– И куда их?

Стражник посмотрел на него с раздражением.

– Ты что, дурак? На оформление, конечно.

Он положил на стол четыре регистрации. Следом бросил деревянный брусок, на котором всё ещё слабо светились багровые знаки. Служащий тяжело вздохнул, снова уселся и подвинул к себе чистые бланки. Несколько минут в комнате слышалось только скрипение пера. Мужчина переписывал имена, даты и непонятные обозначения с регистрационных карточек, затем ставил печати и что-то отмечал в толстом журнале.

Все четверо стояли молча. Максим смотрел на дверь, Вика – на свои ноги. Лёша пытался прочитать перевёрнутые бумаги, но из-за треснувшего стекла видел лишь расплывчатые строки.

– А что с нами будет? – наконец тихо спросила Саша.

Писарь даже не поднял головы. Стражник усмехнулся.

– Дознаватель разберётся. А там, может…

Он замолчал. Саша повернулась к нему. В её взгляде появилась слабая надежда. Казалось, сейчас мужчина скажет, что после короткого разговора их отпустят.

Стражник выдержал паузу.

– Может, отделаетесь парой лет. А если не повезёт – и на двадцать сядете.

У Саши задрожали губы. Остальные тоже замерли. Всё произошло настолько быстро, что сил спорить уже не осталось. Ещё утром они сидели за гостиничным столом, пили чай и строили планы на день. Теперь стояли связанными в здании стражи и слушали, сколько лет могут провести в темнице.

– Всё, – неожиданно объявил писарь.

Он посыпал последние записи песком, стряхнул его и передал стражнику четыре заполненных бланка вместе с регистрациями.

– Ведите.

Затем указал на боковую дверь и сразу вернулся к журналу.

– Двигаем, – рявкнул стражник.

За дверью находилась более просторная комната. Вдоль стен стояли длинные деревянные лавки, отполированные одеждой множества задержанных. Окон не было. Свет проникал через застеклённое отверстие под потолком и придавал лицам болезненно-серый оттенок.

– Сели и ждём.

Устраиваться со связанными за спиной руками оказалось неудобно. Саша осторожно опустилась на край лавки. Вика села рядом. Максим остался стоять, но стражник положил ладонь ему на плечо и с силой надавил.

– Я сказал: сели.

Макс подчинился.

Сам стражник направился к двери в дальней стене и скрылся за ней. Его голос доносился отчётливо, но слов разобрать не удавалось. Он что-то докладывал, иногда понижал голос, затем снова начинал говорить громче. Другой мужчина несколько раз задавал короткие вопросы. Внезапно дверь приоткрылась. Из кабинета показалась голова стражника.

– Веди.

Он повернулся к невидимому собеседнику, выслушал уточнение и добавил:

– Давай всех сразу.

Задержанных подняли с лавки и завели в кабинет. Помещение оказалось небольшим, но тесным его делало не количество людей, а обилие бумаг. Шкафы занимали все стены от пола до потолка. Их полки прогибались под папками, картотечными ящиками и толстыми журналами. На одних корешках стояли даты, на других вместо названий виднелись длинные ряды цифр и букв.

Между шкафами висели карты Лукоморья и окрестных земель. Одну покрывали цветные отметки и натянутые между булавками нити. На другой были изображены городские улицы, но отдельные кварталы перечеркнули и зарисовали заново. Возле окна стояла высокая доска с приколотыми объявлениями, портретами разыскиваемых и списками имён. На подоконнике громоздились изъятые вещи: несколько ножей, связка отмычек, пустая бутылка, детская деревянная лошадка и один сапог.

Посреди кабинета стоял широкий стол. Его поверхность почти полностью скрывали бумаги, печати и раскрытые справочники. Под зелёным колпаком горела лампа, хотя за окном

был день. Рядом с чернильницей остывала кружка крепкого чая. За столом сидел невысокий мужчина в тёмно-зелёном мундире. Ему было около сорока. Короткие волосы начинали седеть на висках, а аккуратные усы придавали лицу строгий вид. Однако глаза смотрели устало и внимательно, без злобы. Дознаватель взял переданные бланки, быстро просмотрел первый и поднял голову.

– Ну, рассказывайте. Что натворили?

– Ничего, – почти хором ответили все четверо.

Мужчина улыбнулся. Улыбка была не издевательской, а скорее сочувствующей.

– За ничего сюда не попадают. По крайней мере, в бумагах такого нарушения ещё не придумали.

Он пролистал бланки.

– Нарушение общественного порядка, преследование гражданина, нападение и попытка ограбления… Насыщенный у вас день.

– Это всё неправда, – сказал Лёша. – Нас самих ограбили.

– Все так говорят. Даже те, кого ловят с чужим кошельком в руке.

– У нас украли очень дорогую вещь, – вмешалась Саша.

Дознаватель посмотрел на её заплаканное лицо, но пока ничего не спросил. Вместо этого взял регистрации.

– Начнём сначала. Откуда прибыли?

– Из Тридевятого, – тихо ответил Лёша, глядя в пол.

Мужчина тяжело вздохнул.

– Да все вы теперь оттуда. Кто только Тридевятым не прикрывается: беглые работники, должники, контрабандисты, семейные беглецы. А управление прибывающих верит и направо-налево выдаёт регистрации.

Он положил карточки на стол.

– Так всё-таки откуда?

Лёша почувствовал, как Максим толкнул его локтем, напоминая о придуманной легенде.

– Из деревни за лесом, – неуверенно ответил Алексей.

Дознаватель заинтересованно поднял брови.

– Вот это уже больше похоже на правду. И что вы там делали? Жили, скрывались, через границу людей водили?

– Мы там появились.

– Каким образом?

Лёша замолчал. После всего произошедшего продолжать ложь казалось бессмысленным. Их легенда уже не помогла ни в управлении, ни на улице.

– Из другого мира, – едва слышно произнёс он.

Дознаватель несколько секунд смотрел на него.

– Что?

– Мы появились там из другого мира. Через ковёр.

Мужчина закрыл глаза и провёл ладонью по лицу.

– Тьфу ты… А так всё хорошо начиналось. Опять сказы пошли.

Максим снова толкнул Лёшу локтем и выразительно посмотрел на него.

– А что мне ещё сказать? – прошептал Алексей. – Это правда.

– Что такое? Что-то вспомнили? – Дознаватель сразу оживился.

– Нет, ничего, – процедил Максим.

– Очень жалко.

Мужчина собрал бланки в одну стопку и постучал краем по столу, выравнивая листы.

– Тогда посидите сегодня здесь. Утро вечера мудренее. Может, к завтрашнему дню вспомните, откуда приехали, кого преследовали и зачем избили потерпевшего.

– Потерпевшего?! – Максим подался вперёд. – Этот потерпевший украл у нас ковёр и заплатил вашим…

Стоявший рядом стражник коротко ударил его под дых. Удар был не особенно сильным, но точным. Максим согнулся, судорожно пытаясь вдохнуть. Из-за связанных рук он едва не упал и удержался на ногах только потому, что Вика подставила плечо.

– Макс! – вскрикнула она.

– Я не разрешал говорить, – спокойно сказал стражник.

Дознаватель нахмурился, но вмешиваться не стал. Он ещё раз посмотрел на четверых, затем отвернулся к бумагам.

– Уводите.

Их вывели обратно в комнату ожидания, а оттуда – к столику писаря. Тот удивлённо оторвался от журнала.

– Уже?

– А что с ними тянуть? – ухмыльнулся стражник.

– Бланки оставишь?

– Потом занесу.

Писарь пожал плечами и указал на другую дверь. За ней начинался широкий, но короткий коридор. Здесь зелёной краски уже не было. Стены сложили из голого серого камня, пол покрывали тёмные пятна сырости. По обеим сторонам тянулись железные решётки. За некоторыми виднелись деревянные нары, ведро и узкое зарешеченное окно под потолком. В глубине кто-то кашлянул. Из соседней камеры донёсся тихий смешок, но лица за решёткой разглядеть не удалось. Их подвели к последней двери. Один из стражников отпер тяжёлый висячий замок и отодвинул решётку. Петли протяжно заскрипели.

– Заходим.

Четверо нерешительно переступили порог. Камера оказалась настолько маленькой, что две деревянные лавки занимали почти всё пространство. Высоко под потолком находилось узкое окно, через которое проникала полоска мутного света. Следом вошёл один из стражников. Он поочерёдно коснулся верёвок каким-то металлическим крючком. Петли сразу ослабли и соскользнули с запястий.

– Руки перед собой держать, – предупредил он. – Без глупостей.

Стражник вышел. Решётка захлопнулась. Её снова заперли на замок и несколько раз дёрнули его для проверки. Конвой направился к выходу. Звук шагов постепенно стих. Хлопнула дальняя дверь. Они остались в камере одни.

Несколько мгновений они продолжали стоять посреди камеры, словно не понимали, что теперь делать. Потом Максим первым подошёл к свободной лавке и тяжело опустился на неё.

Остальные последовали его примеру. Саша забилась в самый дальний угол. Едва она села, сдерживаемые слёзы снова хлынули по щекам. Девушка закрыла лицо ладонями и попыталась плакать беззвучно, но из груди то и дело вырывались короткие всхлипы. Вика устроилась рядом, обняла её за плечи и принялась тихо успокаивать:

– Всё нормально. Слышишь? Мы выберемся. Сейчас разберутся и выпустят. – Уверенности в её голосе не было.

Лёша сел на ту же лавку, но ближе к решётке. Запястья покраснели от верёвок, и он осторожно растирал их, наблюдая за пустым коридором. Максим развалился на лавке напротив, вытянул ноги и принялся разминать затёкшие руки. Костяшки под платком продолжали ныть, но он делал вид, что не замечает боли. Из соседней камеры донёсся кашель. Где-то далеко лязгнула решётка, послышались голоса, затем всё снова стихло.

– Мусора и в сказке мусора, – бросил Максим.

– А что ты такой спокойный? – Вика повернула к нему голову.

– А чего напрягаться? Помурыжат нас и отпустят. Предъявить-то им нечего.

– Им, может быть, и нечего. А Феликс может предъявить своё лицо.

Максим помрачнел, но промолчал.

– Откуда ты знаешь местные законы? – продолжила Вика. – Может, за драку здесь и правда на двадцать лет сажают.

Саша сильнее всхлипнула и прижалась к стене.

– Ой, не нагнетай, – буркнул Максим. – Сказал же: разберутся.

Он отвернулся к стене и скрестил руки на груди. Теперь его спокойствие выглядело не настоящим, а упрямым. Максим просто не хотел признавать вслух, что угроза стражника напугала и его.

Лёша встретился взглядом с Викой. Она едва заметно покачала головой, давая понять, что продолжать спор не стоит. Алексей кивнул и снова посмотрел сквозь решётку. Коридор оставался пустым.

Глава 2

Остаток дня и всю ночь они провели в камере. Нормально уснуть не удалось никому. Деревянные лавки были узкими и жёсткими, от каменных стен тянуло сыростью, а сквозь маленькое окно под потолком проникал холодный воздух. Стоило закрыть глаза, как затёкшая спина или онемевшая рука заставляли снова менять положение.

За решётками не прекращалась жизнь. Кто-то надрывно кашлял в соседней камере, кто-то ругался во сне. Несколько раз из темноты доносился пьяный смех, переходивший в бессвязную песню. Иногда заключённые начинали перекрикиваться через коридор, обмениваясь оскорблениями и требуя позвать стражу. Тогда появлялся охранник. Он медленно проходил вдоль камер, колотил дубинкой по железным прутьям и требовал заткнуться. От грохота четверо каждый раз вскакивали, надеясь, что пришли за ними. Однако мужчина лишь бросал в их сторону:

– Не шуметь!

После этого уходил, оставляя коридор в прежней полутьме.

Хуже всего оказалось ведро в углу. Оно служило единственным отхожим местом, а в камере не было ни перегородки, ни даже старой тряпки, которой можно было бы прикрыться. Приходилось заслонять того, кто пользовался ведром, и самим при этом отворачиваться. Это унижало сильнее, чем решётка и грубость стражников.

К утру в камере стало особенно холодно. Саша задремала, прижавшись к Вике, но почти сразу проснулась от кашля в соседней камере. Лёша несколько раз проваливался в короткое забытьё и всякий раз вздрагивал, уверенный, что кто-то зовёт его по имени. Максим почти всю ночь сидел у стены, положив разбитую руку на колени.

За ними пришли только ближе к полудню. Решётка открылась с протяжным скрипом. Стражники приказали всем выйти, снова завели руки за спину и стянули запястья серыми верёвками. От прикосновения к уже натёртой коже стало больно, но никто не возражал.

Их провели по знакомым коридорам и отвели в кабинет дознавателя. Выстроив задержанных перед столом, стражники отступили к стене. Один остался возле двери, второй встал у окна.

– Ну как? – добродушно спросил дознаватель. – Удалось поспать и подумать?

Никто не ответил.

После полумрака камеры солнечный свет казался нестерпимо ярким. Он падал через высокое окно прямо на лица. Все четверо щурились и отворачивались. Глаза резало, головы гудели, а кости ломило после ночи на узких лавках. Дознаватель некоторое время рассматривал их.

– По вашему виду понимаю, что времени на размышления было достаточно.

– А можно свет немного приглушить? – хрипло попросил Максим. – Очень некомфортно.

Стоявший возле окна стражник сделал шаг к нему, но мужчина за столом остановил его движением ладони.

– Если вам здесь некомфортно, можете вернуться в камеру. Я никого не держу.

– Н-не надо, – почти одновременно ответили все четверо.

– Вот и чудненько. Значит, здесь всех всё устраивает.

Дознаватель открыл ящик стола и достал небольшую папку. Положил её перед собой, развязал тесёмки и начал перебирать бумаги. Рядом он разместил тот самый прямоугольный брусок, которым стражник вчера провёл над их регистрациями. На тёмном дереве едва заметно светился один символ.

– Так-с, что тут у нас…

Мужчина медленно провёл пальцем по строчкам.

– Вот оно. Итак, Виктория.

Вика подняла голову. Её глаза расширились.

– Д-да?

– У вас здесь воровство высветилось.

Дознаватель кивнул на деревянный брусок. Символ на нём налился красным светом.

– Значит, не всё так чисто в вашем Тридевятом, – продолжил он, с нажимом произнеся название. – Нарушения всё-таки имеются.

Лёша, Саша и Максим одновременно посмотрели на Вику.

– Я ничего не крала! – затараторила она. – В Лукоморье точно ничего. Мы всё время были вместе. Скажите ему!

Остальные торопливо закивали.

– Она от нас почти не отходила, – подтвердил Лёша.

– А я и не говорил, что это произошло в Лукоморье, – спокойно заметил дознаватель. – Может, раньше что-нибудь присвоили.

– Нет. Я никогда…

Вика внезапно замолчала. Дознаватель прищурился.

– Ага. Значит, всё-таки было.

– Ну-у-у…

Она переступила с ноги на ногу и опустила взгляд.

– Это очень давно случилось. Я ещё училась в школе.

– Продолжайте.

– Я кофту в ТЦ украла.

Все трое снова посмотрели на неё, на этот раз с неподдельным удивлением.

– Где? – переспросил дознаватель.

– В ТЦ.

– Это у нас что? Тридевятое Царство?

– Нет, вы что! Торговый центр.

Мужчина отложил перо.

– А теперь поподробнее. Что означает «торговый центр»? Название города?

– Это большое здание с магазинами, – попыталась объяснить Вика. – Там одежду продают, еду, всякое разное.

– Что-то вроде вашей торговой площади, только всё находится внутри одного здания, – добавил Лёша.

Дознаватель сердито посмотрел на него.

– Молодой человек, с вами будем разговаривать позже.

– Простите.

Мужчина снова повернулся к Вике.

– Итак, вы украли одежду на крытой торговой площади?

– Получается, да. Денег у меня тогда не было, а кофта очень понравилась. Подружки подбивали, говорили, что никто не заметит. Я и спрятала её под куртку.

Красный символ продолжал светиться.

– Понятненько, – с лёгким разочарованием произнёс дознаватель. – Мелкая кража. Ничего особенно интересного.

– Подождите! – выпалила Вика. – Я потом за неё заплатила.

Мужчина снова поднял глаза.

– Когда?

– Почти сразу. Мама узнала, отхлестала меня ремнём, дала деньги и отправила обратно. Я заплатила за кофту и извинилась. Честно. Я больше ничего не крала и вообще об этом жалею.

Она говорила всё быстрее, словно от признания зависела её жизнь.

– Я была дурой. Подружки меня подбили, но виновата всё равно я. Больше такого не повторялось.

Свет на деревянном бруске дрогнул. Красный знак начал бледнеть, а через несколько секунд окончательно погас. Дознаватель посмотрел на него с удовлетворённой улыбкой.

– Ну вот, видите? Всё оказалось гораздо проще, чем казалось. Разобрались, а вы так переживали.

Вика с надеждой подалась вперёд.

– Правда? Теперь нас отпустят?

– Нет, конечно.

Улыбка мужчины осталась такой же добродушной.

– Это был неизвестный нам случай. Поскольку прибор его обнаружил, следовало выяснить обстоятельства и закрыть нарушение.

Радость исчезла с лица Вики.

– Но если это не имеет отношения к Лукоморью…

– Уже не имеет. Мы ведь во всём разобрались.

– Тогда зачем вы вообще спрашивали?

– Порядок есть порядок.

Дознаватель отодвинул погасший брусок и снова принялся перебирать листы в папке.

– А теперь перейдём к тому, что нам известно точно.

Лицо дознавателя постепенно стало серьёзным. Шуршание бумаги в притихшем кабинете казалось нарочито громким. Наконец он нашёл нужную страницу, задержал на ней палец и перевёл взгляд на стоящих перед столом пленников.

– Ну, посмотрим, что у нас здесь… Преследование, угрозы расправой, нарушение порядка, избиение…

– Он сам виноват! – выпалил Максим. – Он нас обманул, украл ковёр, а потом…

Мужчина поднял ладонь, и Максим осёкся.

– Да-да, разумеется. Сам виноват. Сам бежал по переулкам, сам споткнулся и упал лицом прямо на ваш кулак.

Он выразительно посмотрел на перевязанную руку Максима.

– Я руку раньше разбил, – возразил тот.

Дознаватель удивлённо поднял брови.

– Так вы ещё кого-то избили?

– Стену.

– А она-то вам что сделала?

На лице мужчины появилась едва заметная улыбка.

– Там раньше дверь была, – вмешался Лёша. – В лавку, куда мы отнесли ковёр. Потом лавка исчезла, и осталась только стена.

Дознаватель медленно откинулся на спинку кресла и устало вздохнул. Несколько секунд он рассматривал Алексея с таким выражением, словно пытался решить, действительно ли тот настолько наивен или лишь умело притворяется.

– Вам очень хочется поговорить, молодой человек?

Лёша сразу замолчал.

– Ну давайте, – продолжил мужчина. – Поговорим. Только постарайтесь не наговорить лишнего.

Алексей покосился на Максима. Тот едва заметно покачал головой. Вика смотрела на него напряжённо, а Саша, наоборот, будто ждала, что он наконец сумеет всё объяснить. Лёша сглотнул.

– Ну же, не стесняйтесь, – подбодрил его дознаватель. – Я внимательно слушаю.

– Позавчера мы встретили Феликса Вельского, – начал Алексей, стараясь подбирать слова как можно осторожнее. – Он сказал, что знает мастера, который сможет починить нашу вещь. Очень редкую и дорогую. Феликс отвёл нас в Старый город, в лавку чаротворца. Там был мастер по имени Борум. Он осмотрел ковёр, сказал, что починит его за три дня, и взял задаток – три золотых.

– Вот как, – пробормотал дознаватель, но записывать пока не стал.

– Когда мы вернулись на следующий день, ни лавки, ни двери уже не было. Просто глухая стена. Потом мы нашли Феликса на площади и попытались выяснить, куда исчез мастер.

– Попытались выяснить, – повторил мужчина, слегка улыбнувшись. – Очень хорошее выражение. Продолжайте.

– Он начал убегать.

– А вы?

– Мы… побежали за ним.

– Все четверо?

– Да. – Лёша помедлил.

Перо дознавателя царапнуло бумагу.

– Дальше.

– В переулке нам преградили дорогу трое мужчин. Они явно пытались помочь Феликсу скрыться. Мы их отвлекли и продолжили погоню. Максим догнал Феликса и остановил его.

– Кулаком?

– Один раз ударил, – нехотя признался Лёша. – Но только потому, что тот отказался говорить, где наш ковёр.

– Значит, сначала преследовали, затем загнали в переулок, после чего ударили и стали требовать имущество?

– Наше имущество! – не выдержала Вика. – Он нас обокрал!

– Я вас пока не спрашивал, – мягко произнёс дознаватель.

Вика стиснула зубы, но промолчала. Мужчина перевёл взгляд на Лёшу.

– Это всё?

– Потом Феликс вырвался и побежал к страже. А дальше вы знаете.

– Теперь знаю. – Дознаватель снова придвинулся к столу. – Ваша точка зрения мне понятна. Остальные с ней согласны?

Он поочерёдно посмотрел на Максима, Вику и Сашу. Все трое кивнули.

– Прекрасно.

Мужчина перелистнул несколько страниц, нашёл нужное место и сделал короткую пометку.

– Значит, признаёте, что преследование и избиение имели место. Причём действовали вы группой.

– Но я не это имел в виду, – растерялся Лёша. – Я объяснял, почему всё произошло.

– А я предупреждал, чтобы вы не наговорили лишнего, – напомнил дознаватель с добродушной улыбкой.

Максим медленно повернул голову к Алексею. Вика посмотрела на него почти так же. В их взглядах читалось столько немого укора, что Лёша невольно втянул голову в плечи.

– Да не смотрите вы на него так, – примирительно произнёс мужчина. – Всё это нам и без его рассказа было известно. Ничего нового ваш спутник не сообщил и положение ваше не ухудшил.

– Тогда зачем вы заставили его рассказывать? – спросила Вика.

– Я никого не заставлял.

– Но вы сами предложили…

– Молодой человек очень хотел высказаться, – пояснил дознаватель. – Я предоставил ему такую возможность. В Лукоморье внимательно относятся к приезжим и всегда готовы выслушать собеседника. Особенно когда ему так хочется поговорить.

Вика немного смягчилась, хотя недоверие из её взгляда не исчезло.

– Так вы нас отпустите? – тихо спросила Саша.

Мужчина посмотрел на неё почти с отеческим сочувствием.

– К сожалению, девочка, не могу. Закон есть закон.

Саша опустила голову. У Максима дрогнули желваки. Лёша уставился в пол, лихорадочно пытаясь придумать ещё хоть один довод. Даже Вика, до последнего державшаяся увереннее остальных, заметно поникла.

– Да что же вы так расстроились? – удивился дознаватель.

Он закрыл папку, поднялся из-за стола и неторопливо обошёл его. Оказавшись рядом с задержанными, мужчина заложил руки за спину и принялся прохаживаться вдоль выстроившейся четвёрки.

– Мы за обычные драки голов не рубим. Назначим месяц исправительных работ и сто золотых штрафа на всех. Будет время подумать о своём поведении, принести пользу городу, а если повезёт – ещё и завести полезные знакомства.

Остановившись возле Максима, он ободряюще похлопал его по плечу. Максим даже не попытался сбросить руку. После бессонной ночи, допроса и долгого ожидания решения он выглядел настолько вымотанным, что в нём не осталось сил ни спорить, ни огрызаться.

– Откуда мы возьмём сто золотых? – спросил Лёша.

– Если честно отработаете весь назначенный срок, штраф спишут, – объяснил дознаватель. – В противном случае…

Он замолчал, давая им самим додумать продолжение.

– А можно нас больше не сажать в ту камеру? – жалобно попросила Саша.

– Я и не собирался. – Мужчина повернулся к ней. – Вас сразу доставят на место работ. Там накормят, дадут умыться и объяснят обязанности. Условия не дворцовые, конечно, но всяко лучше здешнего ведра.

Саша едва заметно вздрогнула, вспомнив прошедшую ночь.

– А если мы сбежим? – хрипло спросил Максим.

– Не сбежите.

Дознаватель поднял руку и несколько раз постучал пальцем по тыльной стороне кисти.

– Регистрация не позволит.

Все четверо невольно напряглись. Вика дёрнула связанными за спиной руками, словно пытаясь проверить, не появился ли на коже красный узор. Увидеть ладони она не могла, но воспоминание о жгучей боли заставило её стиснуть пальцы.

– Что значит «не позволит»? – насторожился Лёша.

– Значит именно то, что я сказал. Не советую проверять. Некоторые проверяли – потом очень жалели.

– А Феликс? – Вика вдруг вскинула голову. – С ним что будет?

– А что с ним должно быть?

– Он привёл нас к мошеннику!

– По его словам, он хотел помочь недавно прибывшим путникам, – невозмутимо ответил дознаватель. – Отвёл вас к известному ему мастеру, рассчитывая получить небольшую плату за новых клиентов. Что именно находилось в вашей суме и о чём вы договорились с Борумом, Вельский не знал. Его самого, выходит, тоже обманули. А когда он попытался объясниться, вы погнались за ним по городу и разбили ему лицо.

– Он врёт! – выпалил Максим.

– Возможно, – легко согласился мужчина. – Но его рассказ почти полностью совпадает с вашим. Разница лишь в том, что вы считаете себя обманутыми, а он – невинно пострадавшим.

– Вы же понимаете, что он всё подстроил, – сказал Лёша.

– Понимание к делу не пришьёшь. Нужны свидетельства, договор с мастером или хотя бы расписка о передаче ковра и золота. У вас что-нибудь из этого есть?

Ответом ему было молчание.

– Вот и славно, – заключил дознаватель. – Отработаете назначенный срок, затем сможете подать прошение на розыск мастера и пропавшего имущества. Тогда и поговорим.

Лёша уже открыл рот, но мужчина покачал головой и указал на стоявшие у стены часы.

– На сегодня разговор окончен. Вам пора.

Он вернулся за стол, раскрыл папку и, словно задержанные уже перестали для него существовать, обратился к стражникам:

– Выводите.

Обратно их повели тем же путём, каким привели в кабинет. Сначала через комнату ожидания с пустыми деревянными лавками. Теперь никто не пытался заговорить со стражниками. Даже Максим шёл молча, опустив голову и глядя под ноги.

Возле стола писаря процессию остановили. За прошедшую ночь здесь ничего не изменилось. Тот же мужчина сидел над бумагами, сгорбившись так низко, словно собирался лечь на них лицом и наконец уснуть. Услышав шаги, он нехотя поднял глаза.

– Уже уводите? – спросил он без всякого интереса.

– На работы везём, – ответил один из стражников и положил перед ним папку.

– Хорошо.

Писарь не стал уточнять ни срок, ни место. Открыл ящик стола, немного пошарил среди бумаг и извлёк небольшую серую карточку. Сверился с верхним листом в папке, что-то вписал мелким почерком, затем достал тяжёлую печать. Глухой удар разнёсся по комнате.

– Четверо, – пробормотал он, протягивая карточку стражнику. – Месяц. Содержание за счёт принимающей стороны.

Стражник мельком взглянул на неё и убрал во внутренний карман мундира.

– Двигаем.

Их снова провели по узкому коридору. Чем ближе был выход, тем сильнее пахло улицей – нагретым камнем, лошадьми и свежим хлебом из какой-то соседней лавки. После душной камеры даже эти смешанные запахи показались почти приятными.

Дверь распахнулась, и в глаза ударил дневной свет. Все четверо зажмурились. Солнце уже поднялось высоко, мостовая успела прогреться, а город жил своей обычной жизнью. По улице проезжали повозки, переговаривались прохожие, где-то неподалёку выкрикивал цены торговец. Никому не было дела до четверых связанных чужаков, которых вывели из боковой двери Управления стражи.

У тротуара ждала крытая повозка, запряжённая двумя тёмно-гнедыми лошадьми. На первый взгляд она напоминала обычный грузовой фургон: тяжёлые колёса, потрескавшиеся доски, выцветший брезентовый верх. Только маленькая решётка под самой крышей и массивный засов на задней дверце выдавали её настоящее назначение. Один стражник обошёл повозку и отодвинул засов. Дверца открылась с протяжным скрипом.

– По одному, – приказал он.

Другой достал из-за пояса металлический крючок и поочерёдно коснулся им верёвок на запястьях. Серые петли дрогнули, словно живые, ослабли и сами соскользнули с рук.

Саша тихо застонала, прижав освобождённые ладони к груди. На коже остались красные полосы. Вика тут же повернулась к ней и начала осторожно растирать ей затёкшие запястья. Лёша несколько раз сжал и разжал пальцы, возвращая им чувствительность. Максим молча провёл ладонью по перевязанной руке.

– Залезайте, – поторопил стражник.

Внутри оказалось темно и душно. Вдоль стен тянулись две узкие скамьи, затёртые до блеска. Пол покрывал слой засохшей грязи и соломы, а в воздухе смешались запахи сырого дерева, пота и лошадей.

Максим забрался первым и сел в дальнем углу. Ещё вчера он непременно отпустил бы какую-нибудь шутку, спросил, включён ли проезд в стоимость заключения, или потребовал место у окна. Теперь же лишь прислонился затылком к стене и закрыл глаза.

Следом поднялись Вика и Саша. Лёша вошёл последним и устроился напротив них, стараясь не смотреть на маленькую решётку над дверью. Сквозь неё внутрь пробивалось несколько тонких полос света.

– Куда нас везут? – всё-таки спросил Лёша.

– На месте узнаете, – ответил стражник снаружи.

Дверца захлопнулась. Лязгнул засов, и внутри стало ещё темнее. Снаружи послышались короткие команды, скрипнула упряжь. Повозка дрогнула, тяжело перевалилась через первый камень и покатила по мостовой.

Никто не произнёс ни слова. За тонкими стенками продолжало шуметь Лукоморье, но теперь этот шум казался далёким и недоступным. Они не знали, куда их везут, что за работы ожидают впереди и удастся ли после месяца наказания найти Феликса, Борума и украденный ковёр.

Колёса размеренно грохотали по камням, отсчитывая расстояние до неизвестности.

Глава 3

По булыжной мостовой повозка ехала мучительно долго. Тяжёлые колёса с грохотом перескакивали с камня на камень. Кузов то подбрасывало, то резко кренило в сторону, и пассажирам приходилось упираться ногами в пол, чтобы не столкнуться лбами. Задремать при такой тряске не получалось, хотя после почти бессонной ночи глаза закрывались сами собой.

Сквозь небольшую решётку над дверцей внутрь падала узкая полоска света. Она медленно перемещалась по стене, иногда пропадала в тени домов, а потом появлялась снова. Снаружи доносились городские звуки: стук копыт, голоса прохожих, крики торговцев. Постепенно они становились тише. Последними исчезли далёкий звон колокола и скрип многочисленных колёс.

Через некоторое время грохот под днищем сменился мерным шуршанием. Повозка выехала с мостовой на грунтовую дорогу. Тряска почти сразу ослабла. Теперь кузов лишь плавно покачивался на неровностях, а колёса мягко перекатывались по утоптанной земле. Этого как раз и не хватало измученным путникам.

Максим задремал первым. Вика ещё некоторое время боролась со сном, но вскоре положила голову ему на плечо. Саша свернулась на скамье, прижав ладони к груди. Лёша попытался следить за временем по солнечной полосе на стене, однако мысли быстро потеряли связность.

Они были слишком измотаны – не только физически. За последние дни на них обрушилось столько всего, что внутри уже не оставалось сил даже для страха. Неизвестность, ещё недавно не дававшая покоя, теперь казалась почти неважной. Их куда-то везли, чтобы заставить работать. Куда именно, на кого и зачем – об этом можно будет подумать потом.

Все четверо почти одновременно провалились в тяжёлый сон. Долго поспать им не дали. Повозка резко остановилась. Кузов дёрнулся, Вика едва не свалилась со скамьи, а Лёша ударился плечом о стену. Максим вскинул голову и несколько секунд растерянно смотрел перед собой, не понимая, где находится.

Снаружи послышались голоса. Лязгнул засов, и дверца распахнулась. Внутрь ворвался яркий солнечный свет.

– Выходим, – строго приказал стражник.

Пассажиры начали поочерёдно выбираться наружу. Затёкшие ноги плохо слушались, поэтому каждый спускался медленно, держась за край дверного проёма. Последним выбрался Максим, осторожно придерживая перевязанную руку.

Оказались они у бокового въезда в имение. За высокими решётчатыми воротами начинался хозяйственный двор, а над живой изгородью вдалеке поднималась крыша особняка.

У ворот стоял мужчина и негромко беседовал со стражником. На вид ему было немного за пятьдесят. Сухощавый, подтянутый, с прямой спиной и сединой на коротко подстриженных висках. Тёмный костюм сидел на нём без единой складки, ворот рубашки был застёгнут до самой шеи, а начищенные сапоги выглядели так, словно мужчина никогда не ходил по той же пыльной дороге, по которой сюда приехала повозка. Даже в его спокойной позе ощущалась привычка следить за порядком и немедленно замечать всё, что этому порядку не соответствует.

Стражник протянул ему серую карточку, полученную у писаря.

– Четверо, Павел Кондратьевич. Месяц работ. Содержание за счёт принимающей стороны.

Мужчина бегло просмотрел запись.

– Регистрации?

– Останутся в управлении до окончания срока.

Павел Кондратьевич кивнул и убрал направление во внутренний карман сюртука. Четверо тем временем стояли рядом с повозкой, щурясь от солнца и разглядывая особняк.

– Надеюсь, жить мы будем там, – прохрипел Максим.

– Нет, не там, – ответил подошедший мужчина. – Спать и работать вы будете в основном на хозяйственном дворе.

Он остановился в нескольких шагах и внимательно осмотрел прибывших. Взгляд задержался на разбитых очках Лёши, опухшем лице Саши, помятой одежде Вики и перевязанной руке Максима. Потом мужчина едва заметно втянул носом воздух. Его левый глаз коротко дёрнулся, однако выражение лица почти не изменилось.

– Да уж, – произнёс он. – Я понимал, что пришлют не первый сорт, но чтобы настолько…

– Мы вам что, яйца, чтобы нас по сортам мерить? – возмутилась Вика. – Мы почти сутки в каталажке просидели.

Павел Кондратьевич посмотрел на неё внимательнее.

– Не знаю, что такое каталажка, но после Управления стражи и в худшем состоянии приезжали.

– Это должно нас успокоить? – спросил Максим.

– Нет. Это должно объяснить, почему ваше состояние меня не удивляет.

На несколько мгновений повисло молчание. Ни спорить, ни оправдываться никому уже не хотелось. Саша едва держалась на ногах, Лёша всё ещё щурился от солнца, а Вика с Максимом лишь обменялись недовольными взглядами. Павел Кондратьевич повернулся к воротам.

– Хорошо. Прошу следовать за мной.

Он указал на небольшую калитку, устроенную рядом с тяжёлыми створками, открыл её и первым вошёл на территорию имения.

За оградой начиналась посыпанная мелким гравием дорожка. В одну сторону она вела к особняку, в другую огибала склон и уходила за густую живую изгородь. Оттуда доносились ржание лошадей, стук топора и редкие человеческие голоса.

Стражники остались у повозки. Один уже забирался на облучок, второй закрывал заднюю дверцу. Максим замедлил шаг и покосился назад.

– Может, рванём? – едва слышно спросил он.

– Куда? – Вика даже не повернула головы.

– Не знаю. Через дорогу в лес. Там разберёмся.

– Я уже почувствовала, как действует этот договор, – так же тихо ответила она. – И мне не понравилось. Что-то подсказывает, что это было ещё не самое худшее из того, что он может сделать.

Максим посмотрел на свои руки, потом на удаляющуюся повозку. Стражники больше не обращали на них внимания, а калитка всё ещё была открыта. Он сделал полшага назад. Под кожей на запястье сразу возникло неприятное покалывание, будто вокруг руки начала затягиваться невидимая нить. Он остановился. Ощущение исчезло.

– Почувствовал? – тихо спросила Вика.

– Ничего я не почувствовал.

Но к выходу больше не двинулся. Павел Кондратьевич неожиданно остановился впереди и, не оборачиваясь, произнёс:

– Советую не отставать. Обед скоро закончится, а вас ещё нужно умыть, накормить и разместить.

Максим нахмурился, словно пытался понять, услышал их управляющий или просто догадался. Затем поправил рубашку и пошёл следом. Остальные молча двинулись за ним. Калитка за их спинами закрылась с тихим металлическим щелчком.

Павел Кондратьевич провёл их через хозяйственный двор к дальней стороне имения. В отличие от тихой аллеи перед особняком, здесь всё двигалось, гремело и пахло настоящей работой. Возле сараев разгружали мешки, кто-то катил к конюшне тачку с сеном, из распахнутых дверей мастерской доносился размеренный стук молотка.

По пути они миновали строящуюся пристройку, примыкавшую к дальнему крылу главного дома. Над ещё не завершёнными стенами поднимался деревянный каркас будущей крыши, вдоль кладки тянулись леса. На земле лежали брёвна, доски и груды камня, накрытые от дождя потемневшей парусиной. Несколько работников возились возле корыта с раствором, но при появлении Павла Кондратьевича на мгновение отвлеклись и проводили прибывших любопытными взглядами.

Дальше находилась конюшня. Из открытых ворот тянуло сеном, навозом и тёплым животным духом. В одном из стойл недовольно заржал конь, ему ответил другой. Максим повернул голову на звук, но управляющий не замедлил шага.

За конюшней стоял длинный двухэтажный дом из тёмного дерева. Он выглядел скромно, но добротно: крепкая крыша, ровные ряды небольших окон, два отдельных входа и широкое крыльцо, по перилам которого вился дикий виноград.

– Здесь живёт прислуга, – сообщил Павел Кондратьевич. – Ближняя половина мужская, дальняя – женская. Без необходимости друг к другу не ходить. За домом умывальня. Приведите себя в порядок и подходите к столовой.

Он указал на приземистое здание в дальнем конце двора. Из трубы над его крышей поднимался густой белый дым, а из приоткрытых окон тянуло чем-то горячим и съедобным. При одном запахе у Лёши болезненно свело живот. Вика судорожно сглотнула. Максим втянул воздух носом и впервые с момента выхода из повозки проявил интерес к происходящему.

– А можно просто поспать? – тихо спросила Саша.

Павел Кондратьевич посмотрел на неё. На мгновение его строгое выражение смягчилось, но голос остался прежним – ровным и деловым.

– Можно, но только после еды и бани. В жилой дом после городской камеры я вас в таком виде не пущу.

Саша покраснела и опустила глаза.

– Мы не заразные, – заступилась за неё Вика.

– После суток в городской камере я бы не стал говорить об этом с такой уверенностью, – ответил управляющий. – Сегодня у вас, так сказать, ознакомительный день. Поедите, помоетесь и отдохнёте после управления. Завтра утром распределю работу. Мужчины, вероятнее всего, пойдут на стройку. Для вас двоих дело тоже найдётся.

Он перевёл взгляд на девушек.

– За живую изгородь без разрешения не ходить. В сад и главный дом не входить. Прислуге не мешать, животных без спроса не трогать. Остальное объясню завтра. А теперь – в умывальню, потом в столовую. К бане вас проводят после еды.

Не дожидаясь ответа, Павел Кондратьевич развернулся и направился через двор. Через несколько шагов его окликнул один из работников, и управляющий свернул к стройке, сразу погрузившись в обсуждение каких-то балок и задержавшейся поставки гвоздей. Четверо остались возле дома для прислуги.

– Мужчины, значит, на стройку, – пробормотал Максим. – Шикарно. Всю жизнь мечтал бесплатно таскать кирпичи.

– Не бесплатно, – заметил Лёша. – Мы отрабатываем штраф.

– Спасибо, сразу легче стало.

– Зато здесь хотя бы не камера, – тихо сказала Саша.

Возражать никто не стал. Они обошли дом. За ним обнаружился длинный навес, под которым стояли две широкие каменные колоды. В одну из них по деревянному желобу непрерывно стекала вода. Рядом висели жестяные ковши, на лавке лежало несколько кусков тёмного хозяйственного мыла и стопка грубых полотенец. Максим первым зачерпнул воду и плеснул себе в лицо.

– Твою мать!

– Холодная? – спросила Вика.

Она отобрала у него ковш, осторожно коснулась воды пальцами и тоже поморщилась.

– Ледяная.

– А я о чём?

Сначала умывались почти неохотно, боясь холодной воды. Но стоило смыть с лица тюремную пыль и липкий пот, как стало немного легче. Прохлада прогоняла сонливость и возвращала ясность мыслям. Вика намочила полотенце и помогла Саше вытереть щёки и шею. Та едва держалась на ногах, но после нескольких пригоршней воды в её взгляде появилось хоть какое-то осмысленное выражение.

Лёша снял очки, долго промывал глаза, а потом осторожно протёр обе линзы краем полотенца. Через треснувшую левую всё равно было видно плохо, но хотя бы исчезла мутная плёнка грязи. Максим старательно отмывал здоровой рукой лицо и шею. Повязку на разбитых костяшках он мочить не решился.

– Интересно, что нам дадут делать, – сказала Вика, собирая волосы за спиной. – Если тебя отправят на стройку, то нас куда?

– На кухню, наверное, – предположила Саша. – Или стирать, убирать…

– Я готова на кухню, если там кормят.

– Тебя туда не возьмут, – отозвался Максим. – Ты половину приготовленного съешь ещё до подачи.

– Зато тебе ничего не достанется.

– А я думаю, распределят по способностям, – сказал Лёша.

Максим обернулся к нему.

– Тогда ты будешь древние надписи на кирпичах читать?

– Если понадобится.

– Понадобится тебе лопатой махать, кандидат филологических наук.

– Я не кандидат.

– Значит, просто лопатой.

Спор угас так же быстро, как начался. Для настоящей ссоры у них не осталось сил. Закончив умываться, они направились к столовой. Чем ближе становилось здание, тем сильнее пахло едой. В этом запахе угадывались горячая каша, печёный хлеб и что-то сладкое, ягодное. После почти суток без еды он действовал лучше любых уговоров.

Столовая оказалась просторным помещением с длинными столами и лавками. Стены были побелены, под потолком тянулись тёмные балки, а возле дальней двери стояла большая железная печь. Сейчас здесь было почти пусто: основная трапеза, по всей видимости, уже закончилась. На одном столе остались деревянные миски, а возле окна пожилой работник неторопливо допивал что-то из глиняной кружки.

Из кухни появилась дородная женщина лет пятидесяти. Невысокая, широкоплечая, с круглыми румяными щеками и могучими предплечьями, обнажёнными до локтей. Волосы она спрятала под белый платок, а поверх тёмного платья повязала передник, припорошённый мукой. Женщина остановилась, упёрла руки в бока и оглядела прибывших.

– Я Пелагея Степановна, здешней кухней заведую. Так что если голодные – ко мне, а если чем-то недовольны – к Павлу Кондратьевичу. Это вас из управления привезли?

– Нас, – ответил Максим.

– Вижу, что вас. Других таких заморышей во дворе нет. Садитесь давайте.

Она указала на ближайший стол и исчезла за дверью кухни.

– Приятная женщина, – прошептала Вика.

– Ага, сразу чувствуется материнская забота, – отозвался Максим.

– Главное, чтобы накормила, – сказал Лёша.

Кухарка вернулась, неся сразу четыре глубокие плошки. Она расставила их на столе одну за другой. В каждой возвышалась целая гора горячей каши, щедро политой растопленным маслом.

– Ешьте.

Следом перед ними появился круглый каравай, ещё тёплый, судя по запаху. Женщина принесла кувшин густого тёмно-красного киселя и четыре кружки.

– Павел Кондратьевич сказал, вы со вчерашнего дня не ели, – проворчала она, разливая напиток. – Тоже мне, порядок. Осудить успели, а покормить забыли.

– Спасибо вам, – сказала Саша.

– Потом благодарить будете. Сначала ешьте, пока горячее.

Уговаривать их не пришлось. Первые несколько минут за столом слышались лишь стук ложек и тяжёлое дыхание. Каша была самой обыкновенной, но сейчас казалась невероятно вкусной. Масло растекалось по ней золотистыми лужицами, хлеб хрустел коркой и оставался мягким внутри, а прохладный кисель приятно обволакивал пересохшее горло.

Максим ел так быстро, что едва успевал жевать. Вика сначала пыталась сохранять хоть какое-то достоинство, но вскоре тоже склонилась над плошкой. Саша отщипывала от каравая понемногу, а затем словно спохватилась и отломила себе кусок побольше. Лёша почувствовал насыщение только тогда, когда ложка несколько раз скребнула по дну. Кухарка всё это время стояла у двери, наблюдая за ними.

– Да вы не торопитесь так, – сказала она уже мягче. – Никто не отнимет. Добавки хватит.

– Правда? – Максим поднял голову.

– Нет, шучу над голодными. Конечно, правда. Давай миску.

Он протянул плошку, и женщина снова скрылась на кухне.

– Мне кажется, его здесь всё устроит, – заметила Вика.

– Если кормить будут, могу и поработать, – признался Максим.

– Пять минут назад ты возмущался, что придётся кирпичи таскать, – напомнил Лёша.

– Пять минут назад я был голодный. Это был другой человек.

Кухарка принесла добавку, поставила перед Максимом и посмотрела на остальных.

– Вам?

Вика немного поколебалась, затем тоже протянула плошку. За ней последовал Лёша. Одна Саша покачала головой и обеими руками обхватила кружку с киселём.

– А за что вас сюда? – спросила женщина. – По лицам вроде не разбойники.

Четверо переглянулись.

– Недоразумение, – сказал Максим.

– Мошенника догоняли, – одновременно с ним ответила Вика.

– Нас обманули, – добавила Саша.

– А потом мы совершили несколько не совсем обдуманных поступков, – закончил Лёша.

Кухарка выслушала их, нахмурилась и посмотрела на перевязанную руку Максима.

– Догнали хоть?

– Догнали, – мрачно ответил тот. – Ненадолго.

– Значит, ещё легко отделались. Павел Кондратьевич строгий, но зря не обидит. Работать будете как положено – и месяц быстро пройдёт.

При упоминании месяца лица у всех четверых снова помрачнели. Кухарка заметила это, но расспрашивать не стала. Она придвинула каравай ближе к Саше и негромко сказала:

– Ешь, милая. На пустой желудок любая беда вдвое страшнее.

Саша послушно отломила ещё кусочек хлеба.

Наевшись до отвала, они ещё раз поблагодарили кухарку и с заметно улучшившимся настроением вышли из столовой. После горячей еды даже хозяйственный двор выглядел уже не

таким мрачным, а предстоящий месяц работ – не таким безнадёжным. Солнце пригревало, где-то возле конюшни мерно постукивал топор, из открытого окна кухни доносился звон посуды.

У крыльца их ждала девушка. Одета она была почти так же строго, как Павел Кондратьевич, только на женский лад: тёмное платье с высоким воротом, короткий приталенный жакет и начищенные до блеска сапожки. Светлые волосы были гладко зачёсаны и собраны на затылке, ни одна прядь не выбивалась. На поясе висела связка ключей, тихо позвякивавшая при каждом движении. Девушка держалась прямо и смотрела внимательно, но без неприязни.

– Здравствуйте. Меня зовут Марья, – представилась она. – Павел Кондратьевич поручил мне проводить вас до бани. Сам он сейчас занят.

– Занятой человек, не то что мы, – многозначительно произнёс Максим и улыбнулся.

– Да, очень занятой, – совершенно серьёзно подтвердила Марья. – Но не переживайте: с завтрашнего утра займём и вас.

Улыбка Максима немного померкла.

– Следуйте за мной, пожалуйста.

Марья развернулась, не дожидаясь ответа, и направилась через хозяйственный двор. Четверо поплелись следом. После сытного обеда спать захотелось ещё сильнее. Саша несколько раз прикрывала рот ладонью, пряча зевок, Лёша едва переставлял ноги, а Максим шёл, засунув здоровую руку в карман, и мрачно разглядывал строящуюся пристройку, где ему, скорее всего, предстояло работать.

По дороге Марья неожиданно спросила:

– Что-нибудь делать умеете?

– Смотря что, – осторожно ответил Максим.

– Работать.

– Я много чего умею.

– Например?

Максим задумался.

– Организовывать людей.

– Значит, ничего, – спокойно заключила Марья и посмотрела на Лёшу.

– Я с текстами работал, – ответил тот. – Могу писать, переписывать документы, разбирать старые записи. Ещё немного умею обращаться с инструментами.

– Насколько немного?

– Настолько, чтобы не говорить, что умею хорошо.

Марья кивнула и перевела взгляд на девушек.

– Я в магазине работала, – сказала Саша. – Убирать могу, готовить немного. И долго ухаживала за больной мамой.

– А я быстро учусь, – сообщила Вика. – И тяжёлой работы не боюсь. Если не целый день и не каждый день.

– Удобное уточнение, – заметила Марья.

– Зато честное.

– Завтра Павел Кондратьевич решит, где от вас будет больше пользы.

Бани находились за жилым домом, ближе к высокой изгороди, отделявшей хозяйственный двор от сада. Внешне это было одно длинное бревенчатое строение на каменном основании, однако к нему вели два отдельных крыльца. Над одним входом висела дощечка с вырезанной мужской фигурой, над другим – с женской. Окон почти не было, только под самой крышей виднелись узкие затянутые слюдой проёмы.

Оба отделения не сообщались между собой. Общей у них была лишь большая печь, сложенная в середине здания. Топка выходила наружу, под отдельный навес, чтобы истопник мог подкладывать дрова, не заходя внутрь. Над крышей лениво поднимался дым, а сквозь щели между брёвнами уже пробивался влажный жар.

У входа Марья остановилась и повернулась к ним.

– Прежде чем разойтись, я должна уточнить: вы давно знакомы?

– Достаточно, – ответила Вика, бросив быстрый взгляд на Максима.

– Среди вас есть супруги или близкие родственники?

Четверо переглянулись.

– А это для дела важно? – поинтересовался Максим.

– Семейным разрешается пользоваться одним отделением, если они того пожелают, – невозмутимо объяснила Марья. – Поэтому спрашиваю: будете мыться вместе или раздельно?

– Я могу и вместе, – сразу отозвался Максим. – Мне скрывать нечего.

Саша вспыхнула и уставилась на носки своих сапог.

– Ага, сейчас, разбежался, – отрезала Вика. – В разных.

– Я просто предложил.

– Значит, раздельно, – подвела итог Марья, будто подобные разговоры ей приходилось слышать каждый день.

Она указала девушкам на правое крыльцо, затем повернулась к мужчинам:

– Вы заходите слева. В предбанниках приготовлены чистые рубахи и войлочные тапки. Одежду сложите в корзины у входа – её выстирают, а обувь почистят и вернут к утру. Только сначала проверьте карманы. Всё ценное переложите в полотняные мешочки и заберите с собой.

Марья задержала взгляд на перевязанной руке Максима.

– Для вас там оставили чистое полотно. Старая повязка после бани всё равно никуда не годится.

– Опять рубахи, – пробормотал Максим. – Мы в гостинице уже так ходили. Ещё немного – и я начну считать это своим новым стилем.

Никто не засмеялся.

– Не оценили, – заметил он.

– Внутри есть мыло, мочалки и полотенца, – продолжила Марья, не обращая внимания на их перепалку. – Вода в баках горячая. Холодную берите из бочек. Не перепутайте ковши: деревянными набирайте воду, медными плескайте на камни. Долго не засиживайтесь. После дороги и голода слишком сильный жар вам сейчас ни к чему.

– А вы здесь ждать будете? – спросила Саша.

– Неподалёку. Когда закончите, позовите.

Из-за дверей тянуло густым запахом нагретого дерева и берёзовых веников. Тихо потрескивали дрова, а где-то внутри с плеском вылили воду на камни. Вика взяла Сашу под руку и повела к женскому входу.

– Пойдём, пока я стоя не уснула.

– Только одежду не перепутайте! – крикнул им вслед Максим.

– Твою точно не возьмём, не переживай, – отозвалась Вика, не оборачиваясь.

Лёша и Максим поднялись на левое крыльцо. У самой двери Максим остановился и посмотрел через плечо на Марью.

– А запирать нас не будете?

– Нет.

– Даже охраны не поставите?

– А зачем? – спокойно спросила девушка. – Вы ведь всё равно не сможете покинуть имение.

После этих слов Максим перестал улыбаться. Марья отошла к дорожке, а они разошлись по разным отделениям. Хлопнули две тяжёлые деревянные двери, отрезав их от двора.

Из бани они вышли почти одновременно – красные, распаренные и впервые за последние несколько дней по-настоящему довольные. Прохладный воздух обволок разгорячённую кожу. Лёша остановился на крыльце и глубоко вдохнул. После жара даже запахи хозяйствен-

ного двора – дыма, мокрой земли, сена и лошадей – казались удивительно свежими. Голова немного кружилась, тело размякло, зато исчезла тюремная грязь, перестала чесаться кожа, а ломота в мышцах отступила.

В этот раз выданные рубахи оказались почти впору. Сашина доходила до щиколоток и была лишь немного широка в плечах. Вике досталась такая же, но покороче. Лёшина свободно сидела на худощавой фигуре, а Максим впервые не выглядел так, словно отобрал одежду у человека вдвое крупнее себя. Только рука с обновлённой чистой повязкой выбивалась из общего вида.

Увидев друг друга, все четверо невольно рассмеялись. Даже Саша, ещё недавно едва державшаяся на ногах, прикрыла рот ладонью и тихо захихикала.

– Вот теперь мы точно секта, – заключил Максим, осматривая остальных. – Осталось придумать название и начать ходить по домам.

– Сначала научись говорить что-нибудь умное, – ответила Вика. – А то нас даже слушать не станут.

Неподалёку от бань стояла Марья и разговаривала с молодой девушкой в простом платье и белом переднике. Та была ниже ростом, полноватая, с веснушчатым лицом и туго заплетённой русой косой. Судя по муке на рукаве и едва заметному запаху печёного хлеба, она работала на кухне. До четверых долетали лишь отдельные фразы.

– …у нас рук хватает, – говорила девушка. – Но если посуду, овощи, воду носить…

– Одна выглядит совсем слабой, тяжёлую работу пока не потянет. Вторая покрепче и, судя по характеру, за себя постоять умеет.

– Тогда посмотрим завтра. Пелагея Степановна сама решит.

Услышав смех, Марья повернулась. Она ещё несколько секунд что-то объясняла собеседнице, затем кивнула ей на прощание и направилась к баням. Девушка в переднике с любопытством посмотрела на прибывших и ушла в сторону столовой.

– Всё хорошо? – спросила Марья.

– Великолепно, – протянул Максим. – Если здесь ещё поспать дадут, я готов пересмотреть своё отношение к исправительным работам.

– Не обожглись? Голова ни у кого не кружится?

– Немного, – призналась Саша. – Но это, наверное, от усталости.

– Тогда не стойте. Провожу вас в комнаты.

После еды и бани всех начало неудержимо размаривать. Сопротивляться уже не хотелось. Вика зевнула, Саша снова прикрыла рот ладонью, а Лёша почувствовал, что способен уснуть даже стоя. Марья повела их обратно к жилому дому. У входа в женскую половину она остановилась.

– Вы двое проходите со мной, – сказала она Саше и Вике. Затем посмотрела на парней: – А вы подождите здесь. Я скоро вернусь.

– А нам почему сразу комнату не показать? – спросил Максим.

– Потому что она не умеет находиться одновременно в двух местах, – сказала Вика.

– Логично, – согласился Максим.

Вика взяла Сашу под руку, и обе скрылись за дверью. Марья вошла следом. Максим остался стоять на крыльце. Несколько минут он ещё держался, затем сел на ступеньку и прислонился спиной к перилам. Лёша устроился рядом.

Со двора доносились привычные рабочие звуки. На стройке стучали молотки, возле конюшни кто-то перекликался с лошадьми, по земле скрипели колёса тяжёлой тележки. Всё это постепенно сливалось в ровный усыпляющий гул.

– Сколько можно показывать одну комнату? – пробормотал Максим.

– Может, им правила объясняют.

– Какие там правила? Вот кровать, вот шкаф. Спите, не шумите.

Лёша пожал плечами и закрыл глаза.

– Только не засни, – предупредил Максим.

– Сам не засыпай.

Прошло ещё несколько минут.

– Она там их поселяет или комнату заново строит? – не выдержал Максим. – Я сейчас прямо здесь лягу.

Он уже собирался улечься на ступенях, когда дверь наконец открылась. На крыльцо вышла Марья.

– За мной, пожалуйста.

Марья обошла дом и подвела парней ко второму входу. Внутри жилой корпус действительно напоминал общежитие. За небольшой прихожей начинался длинный коридор с множеством одинаковых дверей. Стены были сложены из гладких деревянных досок, половицы местами потемнели от времени, а под потолком через равные промежутки висели масляные светильники. Почти у каждой двери стояла пара обуви или небольшой деревянный ящик. Из-за одной из дверей доносился храп. Где-то дальше кто-то тихо разговаривал, стараясь не мешать отдыхающим. Она повела их к лестнице.

– Только не говорите, что нам наверх, – простонал Максим.

– Вам наверх.

Ступени отзывались негромким скрипом. На втором этаже оказался ещё один такой же длинный коридор. Марья шла почти до самого конца, а Максим с каждым шагом мрачнел всё сильнее.

– Поближе комнаты не нашлось? – недовольно спросил он. – Мы пока до кровати дойдём, снова устанем.

– Хватит. – Лёша толкнул его локтем.

Марья никак не отреагировала. Только связка ключей на её поясе чуть громче звякнула, когда она остановилась возле предпоследней двери.

– Здесь.

Она отперла замок и пропустила их внутрь. Комната оказалась небольшой, но после камеры выглядела почти роскошной. У противоположных стен стояли две кровати, застеленные чистым серым бельём. Между ними помещался маленький стол с двумя стульями. Возле каждого изголовья находилась тумбочка с подсвечником, а рядом с дверью – простой деревянный шкаф. Единственное окно выходило на хозяйственный двор. Сквозь него виднелись крыша конюшни и деревянный каркас над стенами пристройки.

– Одежду принесут к утру, – сообщила Марья. – Сейчас отдыхайте. С рассветом за вами придут и покажут место работы. Если понадобится вода, в конце коридора стоит бочка.

Максим оглядел комнату.

– А туалет где?

– На улице.

– В смысле на улице?

– В прямом. Отхожее место находится за конюшней.

– И нам ночью туда ходить?

– Если возникнет необходимость.

– А поближе ничего нет?

– Есть ночные горшки внизу, в кладовой. Можете попросить у дежурного.

Лёша закашлялся, скрывая смешок. Максим недовольно посмотрел на него.

– Очень смешно.

– Я ничего не говорил.

– Отдыхайте, – повторила Марья. – Завтра подъём на рассвете. Опаздывать не советую.

Она пожелала им доброго вечера, вышла и прикрыла за собой дверь. Несколько секунд мужчины продолжали стоять посреди комнаты.

– Я у окна, – первым заявил Максим.

– Да пожалуйста.

Они почти одновременно добрались до кроватей и повалились поверх одеял. Матрасы тихо зашуршали под их весом, но оказались достаточно мягкими. От подушек и белья пахло солнцем, свежестью и едва уловимо – сухими травами.

– Надо бы девчонок проверить, – пробормотал Максим, не открывая глаз.

– Завтра проверим.

– И вещи из гостиницы забрать.

– Завтра…

За окном продолжал греметь хозяйственный двор, а откуда-то из-за живой изгороди донеслась музыка. Играло сразу несколько инструментов – легко, весело, будто в главном доме готовились к празднику. Максим приподнял голову.

– У кого-то здесь жизнь определённо удалась.

– Спи, – пробормотал Лёша.

Музыка ещё звучала, но усталость оказалась сильнее. Лёша хотел ещё подумать о ковре, Феликсе, месяце работ и о том, что теперь будет с их комнатами в гостинице. Но ни одна мысль не успела оформиться до конца.

Через несколько мгновений оба уже спали.

Глава 4

Стук в дверь сначала был негромким и почти вежливым.

– Доброе утро. Просыпайтесь, пожалуйста.

Лёша что-то невнятно пробормотал и натянул одеяло на голову. Максим даже не открыл глаз, лишь отмахнулся в сторону двери.

– Зайдите попозже… Рано ещё.

За окном действительно едва светало. Комнату наполнял бледный утренний сумрак, а во дворе только начинали раздаваться первые голоса. Однако долгий сон после нескольких тяжёлых дней не принёс ожидаемой бодрости. Казалось, они закрыли глаза всего минуту назад. Следующий удар сотряс дверь так, что на тумбочке подпрыгнул подсвечник.

– Подъём!

Оба вскочили одновременно. Максим запутался в одеяле и едва не свалился с кровати. Лёша несколько секунд испуганно оглядывался, пытаясь понять, где находится. Потом увидел деревянные стены, серое бельё и выданную вчера рубаху на себе – и всё вспомнил. Имение. Исправительные работы. Подъём на рассвете.

– Сейчас! – крикнул он.

Алексей нашарил очки на тумбочке, водрузил их на нос и подбежал к двери. На пороге стояла Марья. Такая же собранная и аккуратная, как накануне, будто уже успела прожить половину дня. В руках она держала два увесистых свёртка.

– Пора, – кратко сказала девушка.

– Простите, мы забылись, – начал оправдываться Лёша. – Вчера слишком рано уснули и…

– Понимаю, – нейтрально ответила Марья. – Здесь ваша одежда и рабочая.

Она протянула ему свёртки. Лёша едва успел подхватить оба.

– Спасибо.

– Не за что. Это моя работа. Жду вас внизу через пять минут.

Марья сразу развернулась и направилась к лестнице. Связка ключей мерно позвякивала у неё на поясе.

– А девушки уже проснулись? – спросил Лёша ей вслед, высунувшись в коридор.

– Они ждут вас внизу, – ответила Марья, не оборачиваясь.

Лёша закрыл дверь. Максим уже снова лежал, отвернувшись к стене, и старательно изображал спящего. Алексей посмотрел на него, затем выбрал свёрток поменьше и бросил ему на спину.

– Какого хрена?! – Максим резко сел и поймал одежду прежде, чем та упала на пол.

– Одевайся. Нас уже ждут.

– Да блин… Поспать не дают.

– Это наказание, а не спа-курорт.

Максим открыл рот, но спросонья не нашёл достойного ответа. Только зло посмотрел на Лёшу и принялся развязывать свёрток. В одном лежала их собственная одежда – выстиранная, высушенная и аккуратно сложенная. Даже въевшийся запах камеры почти исчез, сменившись запахом мыла и свежего воздуха. Отдельно лежали вычищенные сапоги и кроссовки.

Второй свёрток оказался больше. В нём нашлись два комплекта рабочей одежды: плотные серо-коричневые штаны, просторные льняные рубахи и короткие куртки из грубой ткани. На локтях и коленях были нашиты дополнительные куски кожи, а многочисленные карманы отличались размером и формой. Одни подходили для гвоздей и мелких инструментов, другие – для щёток, верёвок или чего угодно, что могло понадобиться в хозяйстве. Одежда выглядела одинаково уместной и на стройке, и в конюшне, и возле кухонной печи.

– Стильно, – заметил Максим, подняв штаны. – Местный рабочий люкс.

– Главное, чтобы подошло.

Они торопливо сбросили ночные рубахи и начали одеваться. Рабочие вещи сели на удивление хорошо. Штаны Максима оказались ровно нужной длины, рубаха не стесняла плеч, а рукава куртки заканчивались у запястий. Лёшина одежда тоже пришлась почти впору, хотя была чуть свободнее в груди.

– Они что, ночью к нам заходили? – Максим подозрительно осмотрел себя. – Мерки снимали, пока мы спали?

– Может, Марья на глаз определила.

– Тогда у неё глаз как у портного.

– Или одежда сама подстраивается.

Максим замер.

– Вот только не начинай с утра.

– Я просто предположил.

Алексей застегнул куртку, сунул руку под подушку и нащупал что-то твёрдое. Там лежал полотняный мешочек с единственной серебряной монетой и несколькими медяками. Лёша быстро проверил завязку, переложил мешочек во внутренний карман рабочей куртки и затянул шнурок. После истории с Борумом оставлять ценности без присмотра не хотелось. Максим тем временем пытался затянуть ремень одной рукой. Свежая повязка мешала сгибать пальцы, и после нескольких неудачных попыток он раздражённо выругался.

– Дай сюда, – сказал Лёша.

– Сам справлюсь.

– У нас осталось минуты две.

Максим нехотя отпустил ремень. Лёша быстро продел ремень в пряжку и затянул его.

– Только никому не рассказывай, – предупредил Максим. – Особенно Вике.

– Что именно? Что ты не умеешь одеваться?

– Что ты мне помогал.

Собственную одежду они сложили в шкаф. Максим ещё раз посмотрел на кровать, словно всерьёз раздумывал, не лечь ли обратно хотя бы на оставшиеся полторы минуты.

Снизу раздался голос Марьи:

– Время!

– Идём! – отозвался Лёша.

Они наскоро обулись. Максим пригладил волосы здоровой рукой, сделал только хуже и махнул рукой. Лёша сунул ноги в сапоги, проверил очки и распахнул дверь.

Оба вылетели в коридор, захлопнули за собой дверь и бросились к лестнице. На повороте они едва не столкнулись с пожилым мужчиной, нёсшим ведро. Тот шарахнулся к стене, расплескав воду на пол.

– Куда несётесь?!

– Исправляться! – крикнул Максим через плечо.

Не замедляя шага, они загрохотали вниз по лестнице.

На улице было свежо. Утреннее солнце только показалось над крышами и ещё не успело прогреть воздух. Трава во дворе блестела от росы, влажные доски настила потемнели, а над крышей конюшни поднимался тонкий пар. Где-то фыркнула лошадь, хлопнула дверь, и почти сразу послышался скрип колёс – хозяйственный двор постепенно просыпался.

Саша и Вика уже ждали возле крыльца вместе с Марьей. На девушках была такая же серая рабочая одежда, только вместо штанов – длинные свободные юбки, не мешавшие ходить, а поверх рубах – плотные передники с глубокими карманами. Волосы они спрятали под белые платки. Вика выглядела недовольной и сонной, Саша же стояла тихо, сцепив руки перед собой. Увидев торопливо выбежавших из дома Лёшу и Максима, Вика усмехнулась:

– Ну что, самостоятельно проснуться так и не смогли? Всё равно понадобилась женская рука, чтобы поднять вас с постели.

– Рука там ни при чём, – буркнул Максим. – У Марьи кулак как у кузнеца. Таким стуком можно мёртвого поднять.

Марья никак не отреагировала на его слова.

– Раз все собрались, следуйте за мной.

Она направилась через двор. Четверо двинулись следом, стараясь обходить особенно мокрые участки травы. Влага быстро осела на штанинах и подолах юбок.

Стройка находилась возле дальнего хозяйственного крыла. К старому каменному основанию пристраивали длинное невысокое здание. Часть стен уже подняли, но дальше начинался голый деревянный каркас. В утреннем свете особенно хорошо были видны переплетения балок и стропил. Вокруг лежали штабеля досок, брёвна, корзины с железными скобами и свёрнутые верёвки. Под навесом стояли козлы для распила, а возле стены темнела груда ещё влажного камня.

На стройке уже работало несколько человек. Кто-то пилил доски, кто-то тесал брус, кто-то наверху закреплял поперечные балки. Над двором разносились удары молотков, скрежет пил и короткие окрики.

Неподалёку стоял Павел Кондратьевич. Рядом с ним находился сухощавый мужчина лет пятидесяти, с загорелым лицом, глубоко посаженными глазами и короткой седой бородкой. Рукава его рубахи были закатаны до локтей, пальцы испачканы углём и мелом, а за поясом торчала деревянная линейка. Одной рукой он придерживал несколько больших листов, другой указывал на начерченные поверх них линии.

Заметив подошедших, Павел Кондратьевич поднял ладонь, прерывая объяснения.

– Привела?

– Как распорядились, – ответила Марья. – Парни остаются с вами, девушек я отведу к Пелагее Степановне.

Она повернулась к Саше и Вике:

– Идёмте. На кухне уже ждут.

– Удачи, строители, – сказала Вика. – Постарайтесь до обеда ничего не уронить.

– Ты, главное, сама кухню не спали, – отозвался Максим.

– Я хотя бы знаю, с какой стороны к кастрюле подходить.

Вика развернулась и пошла за Марьей. Саша на мгновение задержалась, посмотрела на Лёшу, словно хотела что-то сказать, но лишь слабо улыбнулась и поспешила следом. Павел Кондратьевич дождался, пока они отойдут, и внимательно осмотрел оставшихся.

– Марья передала мне то, что вы вчера рассказали. Но я предпочитаю спрашивать лично. С инструментом обращаться умеете?

– Конечно, – уверенно заявил Максим.

– С каким именно?

Максим ненадолго задумался.

– С разным.

– Очень содержательный ответ.

Павел перевёл взгляд на его перевязанную руку.

– Наверх вас пока не пустят. Тяжёлое тоже не поднимать. Будете работать внизу и делать то, что прикажет старший плотник. Без самодеятельности.

– Я вообще-то могу и с рукой…

– Без самодеятельности, – повторил Павел Кондратьевич чуть тише, но так, что продолжать Максим не решился.

Затем управляющий повернулся к Лёше.

– Вы говорили, что разбираетесь в записях, чертежах и расчётах.

– Я говорил, что работал с текстами и разными материалами, – осторожно поправил Лёша. – Но с чертежами тоже немного знаком.

Стоявший рядом мужчина окинул его взглядом и задержался на треснувшем стекле очков.

– Видите хорошо?

– Правым глазом – да. А если ближе поднести, то обоими.

Мужчина протянул ему один из листов.

– Что здесь изображено?

Лёша осторожно взял чертёж. Обозначения оказались непривычными, но общий смысл угадывался: вид здания сверху, расположение стен, опор и проёмов. Некоторые цифры были написаны иначе, чем в его мире, однако после нескольких секунд он начал узнавать их по порядку и повторяющимся размерам.

– Пристройка, – ответил он. – Здесь несущие опоры, здесь вход… А это, наверное, внутренние перегородки.

Мужчина посмотрел на Павла Кондратьевича и коротко кивнул.

– Сойдёт. Пусть держит листы, ведёт перечень и переносит метки. На высоту с такими очками всё равно нельзя.

– Вот и решено, – заключил Павел. – Максим – к плотникам. Алексей – помогает зодчему. Работаете до обеденного колокола. После получите следующие распоряжения.

Он подозвал коренастого бородатого рабочего и передал ему Максима. Плотник не стал долго объяснять и сразу повёл нового помощника к куче досок.

– Эти перенести под навес, – распорядился плотник. – Складывать по длине. Между рядами прокладывать вот это.

Он указал на связку тонких деревянных планок.

– Зачем? – спросил Максим.

– Чтобы воздух проходил и дерево не повело.

– Понял.

Плотник посмотрел на него с лёгким сомнением, но ничего не сказал и вернулся к остальным.

Лёше досталась работа менее тяжёлая, но ненамного более понятная. Зодчий разложил бумаги на перевёрнутом ящике, прижал углы камнями и принялся объяснять, какие доски нужно отобрать, где поставить метки и какие размеры переписать на отдельный лист. Говорил он быстро, будто был уверен, что собеседник знаком со строительством не хуже него. Лёша несколько раз переспрашивал, чем вызывал недовольное сопение, но постепенно начал разбираться. Ему приходилось то держать край длинной линейки, то считать заготовленные балки, то переносить на них углём короткие обозначения. Из-за треснувшего стекла линии временами двоились, поэтому он подносил бумаги почти к самому лицу.

Максим тем временем бодро таскал доски. Первые несколько он аккуратно уложил на планки, как ему показали, но вскоре решил, что это лишь бессмысленно замедляет работу. Деревяшки постоянно сдвигались, падали и мешали ставить следующий ряд. Оглядевшись и не заметив поблизости старшего плотника, Максим отбросил их в сторону и начал складывать доски одну на другую. Без прокладок дело пошло гораздо быстрее. Через некоторое время бородатый рабочий вернулся, молча посмотрел на аккуратный штабель, затем перевёл взгляд на лежавшие в стороне планки.

– Это что?

– Доски, – ответил Максим, вытирая лоб рукавом.

– Я вижу, что не капуста. Прокладки где?

– Да нормально лежат. Я ровно сложил.

Плотник подошёл к штабелю и пнул нижнюю доску носком сапога.

– На сырой земле сложил. Между рядами воздуха нет. К вечеру отсыреют, потом поведёт. Разбирай.

– Да вы издеваетесь…

– Разбирай, – спокойно повторил рабочий. – И складывай так, как показали.

Максим посмотрел на штабель, на плотника, потом на груду ещё не перенесённых досок. Выругавшись себе под нос, он принялся стаскивать верхний ряд. Лёша услышал спор и обернулся. Увидев выражение лица Максима, он едва заметно улыбнулся.

– Работайте, – напомнил зодчий, не поднимая головы от чертежей.

Утренний холод быстро отступил. Солнце поднялось выше, роса высохла, и во дворе запахло нагретым деревом, стружкой и смолой. Строительный шум слился в единый гул. Лёша постепенно перестал обращать внимание на удары молотков и визг пил. Работа требовала постоянного внимания, и это даже нравилось ему: впервые за последние дни появилась задача, которую можно было понять и решить.

Разбирая бумаги, он заметил, что на двух листах один и тот же проём был отмечен поразному. На верхнем чертеже поперечная опора находилась почти вплотную к двери, на нижнем – была сдвинута в сторону. Лёша несколько раз сверил линии, затем посмотрел на рабочих. Один из них уже положил толстый брус на козлы и размечал место для выемки.

– Простите, – обратился Лёша к зодчему. – Здесь разные размеры.

– Где?

– Вот этот проём. На одном листе опора стоит дальше.

– Старый чертёж, – отмахнулся мужчина. – Смотрите верхний.

– Так верхний как раз старый. На нём ещё нет второй перегородки. А тот рабочий, кажется, размечает по нему.

Зодчий нахмурился, выхватил оба листа и быстро сравнил их.

– Стой! – рявкнул он, резко оборачиваясь.

Рабочий уже занёс топор, но замер. Зодчий подбежал к брусу, проверил метку и раздражённо стёр её ладонью.

– Не тот размер взяли. Сдвинуть на две отметки.

Он вернулся к ящику и внимательно посмотрел на Лёшу.

– Хорошо заметили.

– Просто листы перепутаны.

– Значит, теперь не будут.

Зодчий свернул старый чертёж и сунул его подальше, после чего доверил Лёше самостоятельно проверить остальные листы. Похвала была короткой, почти недовольной, но Алексей невольно расправил плечи.

Максиму повезло меньше. К середине утра он только закончил переделывать штабель. Чистая повязка на руке посерела от пыли, рубаха прилипла к спине, а на ладони здоровой руки появилась натёртость. Плотник осмотрел доски, проверил прокладки и наконец кивнул.

– Теперь годится.

– Сразу нельзя было объяснить нормально? – проворчал Максим.

– Я объяснил.

Возразить на это было нечего.

Оставшееся до обеда время Максим переносил короткие заготовки, подавал инструменты и собирал стружку в большие плетёные корзины. Пару раз он пытался взяться за более серьёзную работу, но его неизменно возвращали на землю, напоминая о повреждённой руке. Постепенно шутки закончились. Он молча выполнял поручения, всё чаще поглядывая в сторону столовой.

Лёша тоже успел устать. От постоянного напряжения заболели глаза, шея затекла, а пальцы почернели от угля. Однако ему было легче, чем Максиму: зодчий перестал относиться

к нему как к случайному помощнику и начал понемногу объяснять, что именно они строят и почему балки располагаются таким образом. Наконец над двором раздался низкий удар колокола. Рабочие почти одновременно отложили инструменты.

– Обед, – объявил плотник.

Максим с облегчением опустил корзину со стружкой.

– Наконец-то. Я уже думал, у вас тут кормят только после смерти.

– После смерти не кормят, – невозмутимо ответил тот. – Так что поторопитесь.

Лёша сложил бумаги, прижал их линейкой и подошёл к Максиму. Тот выглядел так, будто успел отработать не половину дня, а целую неделю.

– Ну как стройка? – спросил Алексей.

– Прекрасно. Всю жизнь мечтал дважды перетаскивать одни и те же доски.

– Зато теперь умеешь правильно их складывать.

– Только попробуй кому-нибудь об этом рассказать.

Они направились к столовой вместе с остальными работниками. Возле входа в столовую уже собралась небольшая очередь. Из открытых окон тянуло запахом свежего хлеба, тушёных овощей и мясной подливы. Внутри мелькнула Саша. Она помогала расставлять по столам миски и кружки. Белый платок немного съехал набок, передник был испачкан мукой, а раскрасневшееся от кухонного жара лицо выглядело уставшим.

В этот момент со стороны прачечной подошла Вика. Она несла большую пустую корзину, прижав её к боку. Рукава её рубахи были закатаны выше локтей, передник потемнел от воды, а из-под платка выбилось несколько влажных прядей. Заметив парней, Вика поставила корзину возле стены и оглядела их с ног до головы.

– Ну что, работники, до обеда дожили?

Услышав знакомый голос, Саша выглянула из дверей столовой и улыбнулась.

– Еле-еле, – признался Максим. – И если меня сейчас не покормят, в этом имении станет на одного плотника меньше.

– Ты уже плотник? – удивилась Вика.

– Почти. Доски умею складывать.

Лёша кашлянул, пряча улыбку.

– Дважды, – уточнил он.

Вика и Саша одновременно посмотрели на Максима.

– Я тебе потом объясню, – мрачно пообещал тот и первым направился к кадке у входа.

Перед входом в столовую они наскоро ополоснули руки в кадке с водой. С пальцев Лёши не сразу сошли чёрные следы угля, а Максим долго возился с повязкой, стараясь не намочить её. Вика ждала рядом и нетерпеливо поглядывала на открытую дверь. В столовую вошли втроём. Саши нигде не было видно – вероятно, она всё ещё помогала на кухне.

За длинными столами уже рассаживались работники. Кто-то громко обсуждал утренние дела, кто-то молча ел, не отрываясь от миски. На столах стояли большие глиняные плошки с кашей и подливой, корзины с нарезанным хлебом, кувшины с водой и киселём. Возле кухни сновали девушки с подносами, расставляя последние блюда.

Троица нашла свободные места в дальнем конце одного из столов. Едва они уселись, Максим подвинул к себе ближайшую плошку.

– Вот теперь я понимаю, зачем люди работают, – заявил он, накладывая себе кашу.

– Чтобы поесть? – спросила Вика.

– Чтобы очень вкусно поесть.

Половина дня непривычной работы разожгла такой аппетит, что первое время они даже не разговаривали. Максим ел с жадностью, лишь иногда морщась, когда случайно задевал повязкой край стола. Вика большими кусками отламывала хлеб и макала его в подливу. Лёша

старался не торопиться, но через несколько минут его миска всё равно опустела, и он сразу потянулся за добавкой.

Когда на столах расставили последние блюда, Саша наконец вышла из кухни. Заправив под платок выбившуюся прядь, она подошла к друзьям, опустилась на свободное место рядом с Викой и вытянула уставшие ноги.

– А ты чего не ешь? – спросил Максим с набитым ртом. – Не голодная?

– Голодная, – призналась Саша. – Просто мы на кухне обедаем позже. Сначала нужно всех накормить, потом убрать со столов, а уже после едим сами.

– И сколько тебе ждать?

– Недолго. Я только посижу немного.

В этот момент мимо стола прошли две молодые работницы из прачечной. Одна из них взглянула на Вику, что-то шепнула подруге, и обе тихо захихикали. Заметив, что на них смотрят, девушки ускорили шаг и скрылись за соседним рядом столов. Саша проводила их недоумевающим взглядом.

– А что это они?

Вика, до этого спокойно жевавшая хлеб, замерла. Щёки у неё начали медленно краснеть.

– Ничего.

– Они на тебя смотрели, – заметил Лёша.

– Показалось.

– Вик, – протянул Максим, сразу почуяв интересную историю. – Ты что натворила?

– Ничего я не натворила, – буркнула она и опустила взгляд в миску. – Там случайно получилось.

– Что получилось?

Вика ещё немного помолчала, надеясь, что от неё отстанут. Но все трое продолжали смотреть на неё.

– Я в кадку с водой уселась, – едва слышно призналась она.

У Максима задёргались уголки губ. Лёша кашлянул и поспешно прикрыл рот ладонью. Даже Саша отвернулась, пряча улыбку.

– В смысле уселась? – сдавленным голосом переспросил Максим. – Решила ванну принять посреди рабочего дня?

– Поскользнулась я! – огрызнулась Вика. – Пол мокрый был, я бельё несла. Нога поехала, и я прямо туда. Хорошо хоть вода не грязная была.

Максим зажал рот рукой. Плечи у него затряслись, но он пока держался.

– И вообще, – продолжила Вика, всё больше краснея, – я впервые в жизни была в прачечной. Откуда мне знать, что у них там всё разлито?

– А разве тебя не на кухню определили? – спросил Лёша.

Вика ничего не ответила и принялась жевать с удвоенной скоростью. Саша некоторое время смотрела на неё, словно решая, стоит ли продолжать, но всё-таки не удержалась:

– Сначала на кухню.

– Саш, – предупреждающе произнесла Вика.

– Она перевернула кастрюлю с похлёбкой, – быстро договорила девушка.

Максим больше не выдержал и расхохотался на всю столовую. Несколько человек за соседним столом обернулись, но ему было уже всё равно.

– Да она тяжёлая была! – возмутилась Вика. – И ручка горячая! Кто вообще ставит такие кастрюли на самый край?

– Она стояла почти возле стены, – заметила Саша.

Теперь рассмеялся и Лёша. Саша попыталась сохранить серьёзное выражение лица, однако продержалась недолго и тоже захихикала.

– А в прачечную-то тебя почему отправили? – сквозь смех спросил Максим.

– Пелагея Степановна хотела определить её к козам, – объяснила Саша. – А потом посмотрела и сказала: «Не надо издеваться над бедными животными». Вот Вику и отправили стирать бельё.

Максим согнулся над столом, уже не в силах остановиться.

– Значит, коз она спасла, а кадку не смогла!

Вика смотрела на них исподлобья, сжимая в руке ложку. Первым её порывом было встать и уйти. Может быть, ещё и запустить в Максима чем-нибудь тяжёлым. Но постепенно она заметила, что в этом смехе нет ни злорадства, ни желания унизить. Даже Саша смеялась не над ней, а вместе со всеми – так, словно они снова оказались дома и обсуждали очередную нелепость после неудачной вечеринки. Вика фыркнула, попыталась удержать сердитое выражение, но всё-таки улыбнулась.

– Смейтесь, смейтесь. Посмотрим, куда вас после обеда отправят. Может, Макса к свиньям определят. Будет среди своих.

– Не возьмут, – отозвался Максим. – Побоятся конкуренции.

Вика прыснула. Через мгновение смеялись уже все четверо, привлекая недоумённые взгляды сидевших поблизости работников.

Саша первой вспомнила о времени. Она посмотрела в сторону кухни, где одна из помощниц уже махала ей рукой, и торопливо поднялась.

– Мне пора. Вы доедайте и отдыхайте, пока можно.

– А вечером увидимся? – спросил Лёша.

– Наверное. Если нас раньше не отправят спать прямо на кухне.

– До вечера, – сказала Вика. – И это… про кастрюлю больше никому не рассказывай.

– Конечно, – заверила Саша, но улыбка выдала её с головой.

Она поспешила к кухне и вскоре снова появилась между столами, уже с пустым подносом в руках. Оставшиеся трое доели всё без остатка. Максим собрал хлебом последние капли подливы и с довольным вздохом откинулся назад.

– Ну что, ещё столько же – и можно отдыхать.

– Не столько же, – поправил его Лёша. – Нам ещё месяц так работать.

– Спасибо, очкарик. Сразу жить захотелось.

Веселье постепенно угасло. Месяц, о котором они на какое-то время забыли, снова навалился всей своей тяжестью. Впереди оставались долгие недели работы, а они даже не знали, где искать Феликса и потерянный ковёр. Вика тяжело вздохнула и отодвинула пустую миску.

– Давайте хотя бы до вечера доживём. Потом будем страдать.

Работники начали подниматься из-за столов. Саша и другие девушки с кухни торопливо собирали посуду, смахивали крошки и уносили опустевшие плошки. Троица ещё немного посидела, пользуясь последними минутами отдыха. Затем над двором снова ударил колокол. Обед закончился.

Вторая половина дня прошла почти так же, как и первая, только сил оставалось всё меньше. Парни вернулись на стройку. Максим продолжил таскать доски, убирать стружку и подавать плотникам инструменты. После утренней ошибки он уже не пытался спорить и делал всё именно так, как ему показывали. К вечеру чистая повязка на руке окончательно пропиталась пылью, а на здоровой ладони появились красные полосы от досок.

Лёша снова помогал зодчему. Он сверял пометки на чертежах, пересчитывал заготовки и наносил углём метки на балки. Работа оказалась не такой тяжёлой, как у Максима, но требовала постоянного внимания. Цифры, линии и условные обозначения постепенно вытеснили из головы все остальные мысли. Даже треснувшее стекло очков перестало раздражать – Лёша просто привык подносить бумаги ближе к лицу.

Саша вернулась на кухню, а Вика – в прачечную. До конца дня ни одна из них больше ничего не перевернула, не разбила и не утопила, что Вика позднее назвала своим главным рабочим достижением.

Когда над двором раздался вечерний колокол, все четверо вновь встретились в столовой. Теперь никто не торопился делиться впечатлениями. Они устало сидели за столом, сгорбившись над мисками, и молча ели.

– Ну как козы? – всё-таки спросил Максим у Вики.

Она медленно подняла на него глаза.

– Ещё одно слово – и завтра доить будут тебя.

На этом разговор почти закончился. Максим хотел отпустить очередную шутку, но только ухмыльнулся и продолжил жевать. После ужина трое поднялись из-за стола. Саша осталась на кухне: нужно было помочь убрать посуду и подготовиться к следующему утру.

– Я позже приду, – сказала она Вике. – Не жди меня.

Вика кивнула и, едва передвигая ноги, побрела в женское крыло. Парни так же медленно направились на свою половину дома. Подъём на второй этаж показался им гораздо тяжелее, чем утром, а длинный коридор – раза в два длиннее. Добравшись до комнаты, Максим первым рухнул на кровать, даже не сняв кроссовок.

– Сними хотя бы обувь, – пробормотал Лёша.

– Сам сними.

– Спи тогда так.

Максим что-то невнятно ответил в подушку. Через приоткрытое окно доносилась музыка. Она звучала где-то в хозяйской части имения – негромкая, плавная, прерываемая далёким смехом и голосами. Там, за высокой изгородью, продолжалась совсем другая жизнь: зажигались огни, собирались гости, звенела посуда. Отсюда невозможно было разобрать ни мелодию, ни слова, но Максим всё равно приподнял голову и прислушался.

– Хочу туда, – с трудом выдавил он.

Затем снова уткнулся лицом в подушку и почти сразу уснул. Лёша ничего не ответил. Он разделся, снял очки и осторожно положил их на тумбочку. Стоило закрыть глаза, как перед ним тут же возникли линии, размеры и пересекающиеся балки. Он попытался подумать о ковре, о Феликсе и о том, как им выбраться из имения, но мысли упрямо возвращались к чертежам. В конце концов Лёша перестал с ними бороться, перевернулся на бок и вскоре провалился в глубокий сон.

Утром парни проснулись от звона колокола. Несколько тяжёлых ударов прокатились над двором и проникли даже сквозь закрытое окно. Лёша открыл глаза, но вставать не спешил. После вчерашней работы ломило спину, шею и ноги. Даже пальцы болели, словно он всю ночь продолжал держать линейку и наносить метки на балки. С соседней кровати донёсся протяжный стон.

– Ещё двадцать восемь раз, – пробубнил Максим в подушку.

– Это если у них в месяце тридцать дней, – заметил Лёша, с трудом садясь на кровати.

В комнате на несколько мгновений повисла тишина.

– Как это – если?! – Максим резко вскинул голову. – А сколько у них?

– Да ладно, шучу, – улыбнулся Лёша. – Календарь такой же. Я вчера спрашивал.

– Да бли-и-ин… – Максим снова уткнулся лицом в подушку. – За такие шутки… Ну ты сам знаешь.

– Знаю. Вставай.

– Ненавижу тебя.

– Осталось всего двадцать восемь раз.

Максим приподнялся и посмотрел на него исподлобья, но сил на ответ уже не нашлось. Одевались они медленно, то и дело морщась от боли в мышцах. За ночь одежда успела высох-

нуть, однако стала жёсткой от пыли и въевшегося пота. Повязка на руке Максима тоже выглядела не лучшим образом, поэтому он снял её и намотал оставленную Марьей чистую полосу ткани.

Приведя себя в относительный порядок, парни спустились вниз, ополоснули лица холодной водой в умывальне и немного пришли в себя. Накануне после подъёма они сразу отправились на работу, а о завтраке узнали только за обедом. Сегодня повторять эту ошибку не хотелось.

Солнце ещё не показалось из-за крыш. Небо на востоке лишь начинало светлеть, а хозяйственный двор оставался погружённым в сероватые предрассветные сумерки. Было тихо. Даже лошади в конюшне почти не шумели, лишь изредка постукивали копытами.

Из жилого дома один за другим выходили сонные работники. Кто-то шёл, зевая во весь рот, кто-то на ходу застёгивал куртку или поправлял пояс. Почти все молча направлялись к столовой. Саши и Вики возле женского крыла не было.

– Наверное, уже там, – предположил Лёша.

Максим пожал плечами, и они присоединились к общему сонному шествию. Саша действительно нашлась в столовой. Пока остальные рассаживались, она торопливо ходила между столами, расставляя миски, корзины с хлебом и кувшины. На этот раз платок был завязан аккуратно и плотно, а передник пока оставался почти чистым. Заметив вошедших, Саша радостно улыбнулась и помахала им рукой.

– Садитесь! Я чуть позже подойду!

– Откуда у женщин по утрам столько энергии? – вяло спросил Максим, провожая её взглядом.

– Наверное, надпочечники хорошо работают, – ответил Лёша.

Максим несколько мгновений смотрел на него, ожидая продолжения.

– И всё?

– А что ещё?

– Ничего. Не шути больше до обеда.

Они нашли свободные места и уселись за стол. На завтрак подали густую молочную кашу, варёные яйца и ещё тёплый хлеб. Максим сначала без особого желания поковырял ложкой содержимое миски, но после первых нескольких ложек окончательно проснулся и принялся есть быстрее. Лёша тоже почувствовал, насколько проголодался со вчерашнего вечера. Через некоторое время к ним подошла Саша. Она опустилась на свободное место, но продолжала поглядывать в сторону кухни, готовая в любой момент вскочить.

– А где Вика? – спросил Максим.

– Она сказала, что не завтракает, и сразу ушла в постирочную. В обед встретимся.

– После вчерашней работы – и не завтракает?

– Я ей тоже сказала, что это плохая идея. Она ответила, что утром кусок в горло не лезет.

Максим хмыкнул, но спорить с отсутствующей Викой не стал. Саша попыталась расспросить их о самочувствии, однако разговор не складывался. Парни отвечали односложно и больше смотрели в миски, чем на неё. Максим несколько раз зевнул, а Лёша и вовсе поймал себя на том, что рассматривает деревянные соединения между ножками стола.

– Вы уже мыслями на стройке, – наконец заметила Саша.

– Лучше бы в кровати, – пробормотал Максим.

Саша улыбнулась, поднялась и поправила передник.

– Тогда увидимся в обед. Мне пора.

Она попрощалась с ними и поспешила обратно на кухню. Покончив с завтраком, парни ещё немного посидели, собираясь с силами. Затем Максим тяжело поднялся и потянулся так, что хрустнули плечи.

– Ну что, пошли отбывать второй день?

Лёша молча встал следом. Они вышли из столовой и медленно побрели к стройке. Впереди уже раздавались первые удары молотков. Зодчий встретил Лёшу коротким кивком и сразу протянул ему свёрнутые чертежи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.